

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

*Материалы
всероссийской научно-практической конференции
(22 мая 2025 г.)*

Омск
ОМА МВД России
2025

УДК 347(08)
ББК 67я23
А43

Редакционная коллегия:

К. В. Карпов — кандидат юридических наук, доцент (*председатель*);
Л. М. Алтынбаева — кандидат юридических наук, доцент (*заместитель
председателя*); *А. В. Быков* — кандидат исторических наук, доцент (*от-
ветственный секретарь*); *А. Н. Жданова* — кандидат юридических наук,
доцент

Актуальные проблемы частного права : мат-лы всерос. науч.-
A43 практ. конф. / пред. редкол. К. В. Карпов. — Омск : Омская академия
МВД России, 2025. — 1 CD-ROM. — Систем. требования: ПК с про-
цессором Intel с частотой не менее 2ГГц ; 2 Гб оперативной памя-
ти ; дисковод CD-ROM ; операционная система Windows 7 и выше ;
Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с титул. экрана. — Текст :
электронный.

ISBN 978-5-88651-894-8

В сборнике публикуются доклады и сообщения участников конферен-
ции по актуальным теоретическим и практическим проблемам гражданско-
го, жилищного, семейного, земельного, экологического, предприниматель-
ского права.

Издание предназначено для профессорско-преподавательского состава,
научных сотрудников и адъюнктов образовательных организаций МВД России.

УДК 347(08)
ББК 67я23

ISBN 978-5-88651-894-8

© Омская академия МВД России, 2025

Л. М. Алтынбаева

Нарушение прав детей в приемных семьях: причины, последствия и пути решения

Согласно Семейному кодексу Российской Федерации под приемной семьей понимаются опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем на срок, указанный в этом договоре.

Приемная семья рассматривается как одна из наиболее эффективных форм устройства детей, оставшихся без родительского попечения. Тем не менее, несмотря на многочисленные позитивные моменты, практика показывает, что в некоторых случаях возникают ситуации, нарушающие права и интересы детей, находящихся на воспитании в приемных семьях. Рассмотрим эти причины и возможные меры профилактики и исправления сложившейся ситуации.

Причины нарушений прав детей в приемных семьях многообразны и включают следующие факторы.

1. *Неправильная мотивация приемных родителей.* Некоторые граждане принимают решение стать приемными родителями, руководствуясь материальными соображениями (получение денежных выплат от государства), а не искренним желанием заботиться о ребенке. Такие мотивы приводят к недостаточному вниманию к потребностям и интересам ребенка, пренебрежительному отношению к вопросам образования, здоровья и эмоционального благополучия.

2. *Отсутствие необходимой подготовки и поддержки.* Часто приемные родители не проходят достаточной профессиональной подготовки перед принятием ребенка в семью. Им не предоставляется достаточного объема информации о специфике поведения и психологии детей, лишившихся родственных связей. Отсутствие понимания приводит к конфликтам внутри семьи, неправильному обращению с детьми и к случаям жестокого обращения.

3. *Недостаточный контроль органов опеки и попечительства.* Органы опеки и попечительства играют ключевую роль в защите прав детей, однако недостаточное количество специалистов и низкая квалификация сотрудников могут препятствовать эффективному контролю над ситуацией в приемных семьях. Регулярные проверки состояния детей проводятся редко, что позволяет злоупотреблять правами детей и игнорировать выявленные проблемы.

4. *Недостаточно развитые механизмы социальной помощи и реабилитации.* Отсутствие четких механизмов предоставления психологической и медицинской помощи, консультаций социальных работников и юристов создает дополнительные риски для детей, живущих в приемных семьях. Дети, столкнувшиеся с травмирующими ситуациями в прошлом, нуждаются в специализированной поддержке, которую часто невозможно получить своевременно и качественно.

Права детей могут нарушаться разными способами: физическое насилие, эмоциональное насилие, ограничение свободы передвижения и общения, ненадлежащее питание и уход.

Для эффективного предотвращения нарушений прав детей в приемных семьях необходимы комплексные меры, включающие:

- *повышение уровня профессионализма сотрудников органов опеки и попечительства.* Регулярное повышение квалификации сотрудников органов опеки позволит улучшить качество проверок условий содержания детей в приемных семьях. Органы опеки должны активно взаимодействовать с семьей, проводить регулярные встречи и консультации, поддерживать диалог и оказывать помощь в сложных ситуациях;

- *совершенствование процесса отбора кандидатов в приемные родители.* Кандидаты в приемные родители должны проходить тщательную проверку, включающую собеседования, психологические тесты и обязательную подготовку. Процесс подбора должен учитывать индивидуальные особенности каждого кандидата, обеспечивая наилучшие условия для гармоничного развития ребенка;

- *обеспечение качественной психологической и педагогической поддержки.* Необходимо создать специализированные службы психологической и педагогической поддержки, доступные каждому ребенку и семье. Эти службы должны включать консультирование, диагностику, коррекционные мероприятия и другие виды услуг, направленные на профилактику и устранение возможных негативных последствий воспитания в приемной семье;

- *создание эффективной системы мониторинга и контроля.* Государству необходимо разработать эффективные инструменты мониторин-

га и контроля за соблюдением прав детей в приемных семьях. Контроль должен осуществляться регулярно, объективно и профессионально, исключая возможности сокрытия фактов правонарушений и преступлений против детей.

Таким образом, проблема нарушений прав детей в приемных семьях требует серьезного внимания и принятия активных мер со стороны государственных структур, общественных организаций и самих приемных родителей. Только совместные усилия всех заинтересованных сторон позволяют эффективно защищать права детей, предотвращать правонарушения и обеспечивать полноценное развитие каждого ребенка, находящегося на воспитании в приемной семье.

Судебная практика демонстрирует разнообразие подходов к разрешению конфликтов, связанных с приемными семьями. Значительная часть решений направлена на защиту интересов детей, установление справедливого баланса между интересами ребенка и возможностями приемных родителей. Эффективное функционирование института приемных семей требует постоянного совершенствования законодательства, улучшения качества контроля и укрепления гарантий защиты прав детей.

Е. В. Башурова

О практике реализации антимонопольного законодательства при реорганизации унитарных предприятий

Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственных и муниципальных унитарных предприятиях“ и Федеральный закон „О защите конкуренции“» [1] предусмотрено, что государственные и муниципальные унитарные предприятия, которые созданы до дня вступления в силу данного федерального закона и осуществляют деятельность на товарных рынках в Российской Федерации, находящихся в условиях конкуренции, за исключением случаев, предусмотренных статьей 3 Федерального закона «О защите конкуренции» [2] (далее — Закон о защите конкуренции), подлежат ликвидации или реорганизации по решению учредителя до 1 января 2025 г.

По мнению Федеральной антимонопольной службы России (далее — ФАС России), именно участие унитарных предприятий в хозяйственной деятельности оказывает наиболее негативное влияние на конкуренцию на локальных рынках и ведет их монополизацию [3].

Кроме того, ФАС России выявлены многочисленные факты ухода заказчиков от применения норм Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4] путем передачи бюджетных средств в форме субсидий подведомственным унитарным предприятиям для закупки ими товаров, работ, услуг для нужд заказчика, в том числе и на конкурентных рынках (работы по строительству, закупка лекарственных средств и медицинских изделий). По этой причине на федеральном и региональном уровнях органами исполнительной власти осуществляется работа по реорганизации унитарных предприятий.

Обобщение практики реорганизации позволяет отметить, что они преобразуются как в акционерные общества¹, так и в бюджетные учреждения².

Принятие решений о реорганизации унитарных предприятий в бюджетные учреждения не в полной мере основывается на положениях действующего законодательства, не учитывают они и позиций по данному вопросу федеральных органов исполнительной власти, а также судебную практику.

Это не только не соответствует смыслу и содержанию вышеуказанных законодательных преобразований, но и ведет к большей монополизации локальных рынков посредством вовлечения унитарных предприятий, осуществляющих предпринимательскую деятельность в целях извлечения прибыли (на основе переданного им государственного (муниципального) имущества) в сферу государственных (муниципальных) услуг (работ), посредством их трансформации в бюджетные учреждения.

В силу положений п. 1 ст. 9.2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [5] бюджетным учреждением признается некоммерческая организация, созданная субъектом Российской Федерации для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномо-

¹ См., напр.: *О реорганизации государственных унитарных предприятий плодово-овощного комплекса г. Москвы* : постановление Правительства Москвы от 15 октября 2002 г. № 854-ПП ; *О реорганизации Областного государственного унитарного предприятия «Кожевниковское дорожное ремонтно-строительное управление»* : распоряжение Администрации Томской области от 12 декабря 2023 № 810-ра. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., напр.: *О реорганизации федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийский научно-исследовательский институт оптико-физических измерений»* : указ Президента РФ от 26 сентября 2022 г. № 672 ; *О реорганизации федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийский научно-исследовательский институт метрологической службы»* : указ Президента РФ от 1 июля 2021 г. № 388. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чий органов государственной власти (государственных органов) в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах. При этом бюджетные учреждения, как некоммерческие организации, не имеющие в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли (ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации), действуют в соответствии с государственными заданиями на выполнение работ, оказание услуг и финансируются за счет субсидии, предоставляемой без проведения конкурсных процедур, предусмотренных Законом о защите конкуренции.

Как отмечает Министерство финансов Российской Федерации, государственные учреждения, осуществляющие исключительно приносящую доход деятельность в сфере, в которой не существует государственной монополии (деятельность, которую вправе при соблюдении установленных процедур осуществлять любая негосударственная организация), должны ликвидироваться или быть реорганизованы [6].

В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 8799/11 по делу № А66-7056/2010 также отмечается, что в случаях, когда требуется проведение торгов, подразумевающих состязательность хозяйствующих субъектов, их непроведение, за исключением случаев, допускаемых законом, не может не влиять на конкуренцию, поскольку лишь при публичном объявлении торгов в установленном порядке могут быть выявлены потенциальные желающие получить товары, работы, услуги, доступ к соответствующему товарному рынку либо права ведения деятельности на нем.

Несмотря на вышеприведенные позиции органов государственной власти, реорганизация отдельных унитарных предприятий в бюджетные учреждения продолжается, при отсутствии, как представляется, на то правовых оснований.

Так, например, распоряжением Губернатора Кемеровской области от 18 октября 2018 г. № 86-рг, государственное предприятие Кемеровской области «Облстройпроект» преобразовано в государственное бюджетное учреждение Кемеровской области «Проектный институт Кузбасспроект» (далее — ГБУ КО «ПИ Кузбасспроект»).

С целью осуществления контроля за соблюдением законодательства в сфере защиты конкуренции и законодательства о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд Контрольно-счетная палата Кемеровской области обратилась в Кемеровское УФАС России с просьбой рассмотреть

вопрос о соответствии осуществления государственной работы «Разработка проектно-сметной документации» ГБУ КО «ПИ Кузбасспроект» в рамках утвержденного Минстрой Кузбасса государственного задания нормам действующего законодательства.

Приказом Управления Федеральной антимонопольной службы по Кемеровской области от 20 апреля 2022 г. № 47 было возбуждено дело № 042/01/16-460/2022 по признакам нарушения Министерством строительства Кузбасса, ГБУ «ПИ «КузбассПроект» ст. 16 Закона о защите конкуренции, выразившемся в заключении соглашений о предоставлении субсидии из областного бюджета на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (разработка проектно-сметной документации) на 2022 г. и плановый период 2023–2024 гг., а также дополнительных соглашений к ним.

Министерство строительства Кузбасса обратилось в Арбитражный суд Кемеровской области об оспаривании решения Управления Федеральной антимонопольной службы по Кемеровской области.

Арбитражный суд Кемеровской области в своем решении [7] указал, что реализация мероприятий по осуществлению архитектурно-строительного проектирования, разработке проектно-сметной документации, а также на оказание услуг по обследованию построенных, реконструированных объектов капитального строительства и линейных объектов не входит в исключительную компетенцию органов власти и управления в соответствии с их полномочиями, а также подведомственных учреждений.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции федеральным органам исполнительной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления, иным осуществляющим функции указанных органов или организациям, участвующим в предоставлении государственных или муниципальных услуг, а также государственным внебюджетным фондам, Центральному банку Российской Федерации запрещается принимать акты и (или) осуществлять действия (бездействие), которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции, за исключением предусмотренных федеральными законами случаев принятия актов и (или) осуществления таких действий (бездействия).

В соответствии с п. 4 ст. 16 Закона о защите конкуренции запрещаются соглашения между федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации,

органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком Российской Федерации или между ними и хозяйствующими субъектами либо осуществление этими органами и организациями согласованных действий, если такие соглашения или такое осуществление согласованных действий приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции, в частности к ограничению доступа на товарный рынок, выхода из товарного рынка или устранению с него хозяйствующих субъектов.

Установленный данной нормой запрет ориентирован на органы публичной власти и распространяется на действия указанных органов в сфере публичных правоотношений, преследует цель предотвращения негативного влияния органов власти на конкурентную среду с помощью властных методов воздействия, в том числе путем соглашения с хозяйствующим субъектом.

В силу п. 7 ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции не допускается предоставление государственных или муниципальных преференций в нарушение требований, установленных главой 5 Закона.

При этом отсутствие публичных процедур не привело к эффективному использованию бюджетных средств, предполагающему, в том числе, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных ими бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности).

По мнению суда, в результате заключения соглашения ГБУ КО «ПИ Кузбасспроект» получило доступ к выполнению работ по максимально возможной цене, без участия в какой-либо конкурентной борьбе, без подачи предложений о снижении цены договора, тем самым было поставлено в преимущественное положение по сравнению с иными хозяйствующими субъектами, осуществляющими аналогичную деятельность.

Выполнение ГБУ КО «ПИ Кузбасспроект» работ, указанных в государственном задании, является расходным обязательством субъекта Российской Федерации, обусловленным законом, и должно предусматриваться в соответствующем бюджете на очередной финансовый год и не должно компенсироваться посредством наделения бюджетного учреждения полномочиями органов государственной власти, установления данному учреждению государственного задания, предоставления субсидий, финансирование его деятельности.

Таким образом, суд пришел к обоснованному выводу по делу № 042/01/16-460/2022 о нарушении требований ст. 16 Закона о защите конкуренции.

ГБУ КО «ПИ Кузбасспроект», оказывая услуги на возмездной основе по разработке проектной документации на рынке конкурентных услуг, отвечает признакам хозяйствующего субъекта, определенным в п. 5 ст. 4 Закона о защите конкуренции.

Соглашение о предоставлении субсидии, подписанное сторонами, привело к недопущению возникновения конкурентных отношений между хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на аналогичном товарном рынке, предоставлению преимущественных условий для ГБУ КО «ПИ Кузбасспроект», ограничению конкуренции иных хозяйствующих субъектов.

Указанное решение было оставлено без изменения Седьмым арбитражным апелляционным судом [8].

Аналогичный по содержанию спор по заявлению Администрации города Кемерово об оспаривании решения Управления Федеральной антимонопольной службы по Кемеровской области рассматривался Арбитражным судом Кемеровской области. Постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 3 июня 2019 г. № 07АП-4084/2019 по делу № А27-530/2019 решение от 18 марта 2019 г. Арбитражного суда Кемеровской области по делу № А27-530/2019 оставлено без изменения, апелляционная жалоба Администрации города Кемерово — без удовлетворения.

Еще одним примером является постановление Правительства Республики Хакасия от 9 декабря 2015 г. № 653 «О реорганизации ГУП РХ «Ресфармация» [9], которым принято решение реорганизовать ГУП РХ «Ресфармация» в форме преобразования в ГБУ РХ «Ресфармация».

С 29 апреля 2016 г. ГБУ РХ «Ресфармация» действует в рамках государственного задания, финансируется из средств республиканского бюджета в соответствии с заключенным между Минздравом Хакасии и ГБУ РХ «Ресфармация» соглашением о порядке и условиях предоставления субсидии на возмещение нормативных затрат, связанных с оказанием в соответствии с государственным заданием государственных услуг (выполнением работ).

Учитывая, что действия Министерства здравоохранения Республики Хакасия по утверждению государственных заданий для ГБУ РХ «Ресфармация» на 2016, 2017, 2018 гг., а также по заключению соглашений о порядке и условиях предоставления субсидии на возмещение

нормативных затрат, связанных с оказанием в соответствии с государственным заданием государственных услуг (выполнением работ), создают необоснованные преимущества при осуществлении хозяйственной деятельности ГБУ РХ «Ресфармация» и могут привести к ограничению конкуренции на рассматриваемом товарном рынке, Хакасским УФАС России от 12 ноября 2018 г. по делу № 14-А-18 «Об устранении нарушения законодательства Российской Федерации» Правительству Республики Хакасия внесено предписание в срок до 20 декабря 2018 г. внести изменения в постановление Правительства Республики Хакасия № 653 от 9 декабря 2015 г. «О реорганизации ГУП РХ «Ресфармация» с целью обеспечения возможности выполнения Минздравом Хакасии действий по недопущению создания преимуществ ГБУ РХ «Ресфармация» и ограничению конкуренции (создания такой возможности) на рассматриваемом товарном рынке.

Представленные примеры стали предметом спора и в отношении них вынесены судебные решения. Однако не все решения обжалуются контрольно-надзорными органами, что приводит к легализации монополистической деятельности бюджетных учреждений на рынке, предоставлению им преференции на бюджетное финансирование.

Список источников

1. *О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и Федеральный закон «О защите конкуренции : федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 485-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

2. *О защите конкуренции : федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

3. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления запрета на создание и осуществление деятельности унитарных предприятий)» : пояснительная записка к проекту федерального закона. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

4. *О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

5. *О некоммерческих организациях : федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

6. *О реализации* Минфином России обязанности по осуществлению в 2011–2014 гг. мониторинга выполнения плана мероприятий и реализации Федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ : письмо Минфина России от 9 июня 2012 г. № 12-08-05/2796. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *Решение* Арбитражного суда Кемеровской области от 30 ноября 2023 г. по делу № А27-7065/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. *Постановление* Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21 марта 2024 г. № 07АП-387/2024 по делу № А27-7065/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. *О реорганизации* Государственного унитарного предприятия Республики Хакасия «Ресфармация» : постановление Правительства Республики Хакасия от 9 декабря 2015 г. № 653. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Д. А. Белецкий

К вопросу о признании информационным посредником

Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» [1] Гражданский кодекс РФ был дополнен ст. 1253.1, устанавливающей условия привлечения к ответственности информационных посредников. Общее правило, установленное в комментируемой статье, гласит, что информационный посредник может быть привлечен к ответственности исключительно при наличии его вины в нарушении авторских прав.

Из содержания статьи следует, что для привлечения информационного посредника к ответственности необходимо установить его личный вклад в допущенное нарушение авторских прав, а также наличие его осведомленности о совершаемом нарушении.

Анализ судебной практики позволяет убедиться, что суды часто расширительно толкуют указанную выше норму, что позволяет им удовлетворять иски к лицам, фактически являющимся информационными посредниками, лишая их такового статуса.

При рассмотрении одного из дел суды посчитали, что лицо не может быть признано информационным посредником, поскольку получало доход от рекламы, размещенной на его интернет-сайте [2; 3].

Таким образом, судами отмечено, что создание ответчиком благоприятных условий для неправомерного распространения материала, содержащего охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, способствовало получению им прибыли и повышению коммерческого рейтинга его информационного ресурса.

Интересно, что в этом деле суд установил довольно высокий критерий добросовестности для информационного посредника. Судом апелляционной инстанции было указано, что, действуя добросовестно, информационный посредник должен был убедиться в правомерности размещения произведения на сайте и не допускать нарушения исключительных прав правообладателя. Кроме того, суд отметил, что установление в пользовательском соглашении ответчиком положений, обязывающих пользователей соблюдать авторские и смежные права при размещении контента на ресурсе, является недостаточным для освобождения его от ответственности [2]. С данными выводами согласился суд кассационной инстанции [3].

Конкретные меры, которые должен предпринять информационный посредник, чтобы его признали добросовестным, неизвестны.

Следует обозначить, что данное дело было отражено в п. 19 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [4].

Позволим себе не согласиться с выводами судов в комментируемом деле. Считаем, что не была учтена норма п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ: информационный посредник, предоставляющий возможность размещения материала в информационно-телекоммуникационной сети, не несет ответственности при условии, что он:

- 1) не знал и не должен был знать о том, что размещенный материал используется неправомерно;
- 2) при обращении к нему правообладателя размещенного материала принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав.

Из комментируемого определения не следует, что ответчик был осведомлен о неправомерном использовании размещенного объекта авторских прав, а также что истец обращался к нему с претензией о нарушении интеллектуальных прав. Кроме того, из материалов дела известно, что ответчик сразу после получения копии искового заявления своевременно принял меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав.

Отметим, что законодательство не содержит указания на то, что получение ответчиком прибыли от размещенного на его Интернет-сайте объекта авторского права препятствует признанию его информационным посредником.

В исследуемом деле, считаем, отсутствовали правовые основания для лишения лица статуса информационного посредника и привлечения его к гражданско-правовой ответственности.

Анализ показал, что на сегодняшний день сложилась судебная практика, устанавливающая повышенные требования к осмотрительности тех, кто предоставляет возможность размещения материала в информационно-телекоммуникационной сети, и позволяющая лишать их статуса информационного посредника с привлечением к гражданско-правовой ответственности, основываясь на том обстоятельстве, что при этом извлекается прибыль от использования своего Интернет-ресурса.

Список источников

1. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях* : федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Апелляционное определение коллегии по гражданским делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2021 г. по делу № 66-4786/2021*. URL: <https://1ap.sudrf.ru/> (дата обращения: 09.12.2024).

3. *Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 апреля 2022 г. № 88-6617/2022*. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. *Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»* : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/33621/> (дата обращения: 11.12.2024).

А. Г. Быкова

Соотношение метода правового регулирования в семейном и гражданском праве

Метод правового регулирования — одна из основных категорий юриспруденции, которая традиционно понимается как совокупность приемов, средств воздействия на участников общественных отношений.

В гражданском праве преобладает диспозитивный метод, предоставляющий участникам отношений большую свободу, возможность самостоятельно определять свои права и обязанности через договоры. Семейное же право, хотя и имеет некоторые диспозитивные элементы, ориентировано на императивный метод, где государство устанавливает обязательные правила, особенно в вопросах защиты интересов детей и недееспособных членов семьи.

Соотношение метода правового регулирования наглядно прослеживается в сфере имущественных отношений супругов. Гражданское право основано на принципе свободы договора (ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК)), позволяющем сторонам самостоятельно определять условия соглашения. В семейном праве преобладают императивные нормы (строгие предписания закона), направленные на защиту социально уязвимых субъектов (детей, нетрудоспособных супругов) и общественных интересов. Конфликт возникает, когда автономия воли сторон сталкивается с обязательными ограничениями, установленными семейным законодательством.

Сущность конфликта методов правового регулирования заключается в целях, которые заложены законодателем в каждую отрасль права и эти цели противоположны друг другу. Целью метода правового регулирования гражданского права выступает обеспечение свободы частной инициативы (гражданско-правовой подход). Цель метода правового регулирования семейного права состоит в защите семьи как социального института (публично-правовой подход). Взаимодействие и конфликт этих двух подходов рассмотрим ниже.

Во-первых, в конфликте методов правового регулирования одновременно обозначены частные и публичные интересы участников правоотношений. При этом гражданское право защищает свободу частных лиц в имущественных отношениях, тогда как семейное право ограничивает эту свободу ради сохранения нравственных устоев, защиты семьи и детей (ст. ст. 1, 7 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК)): брачный договор не может лишить супруга права на алименты, даже если стороны согласны (ст. 42 СК).

Во-вторых, основным аспектом конфликта метода правового регулирования выступают его динамичность и стабильность. Динамичность присуща гражданскому праву. Диспозитивный метод гражданского права обеспечивает свободу договора (ст. 421 ГК), возможность изменения или расторжения договоров (ст. ст. 450–451 ГК), а также предусматривает адаптацию общественных отношений к изменяющимся обстоятельствам. Динамичность конфликта проявляется в том, что гражданское право быстро реагирует на новые социально-экономические реалии (например, цифровые активы в разделе имущества), но сталкивается с ограничениями семейного права.

Стабильность присуща семейному праву. Используя императивный метод регулирования общественных отношений, семейное право обеспечивает защиту социально уязвимых лиц (детей, нетрудоспособных супругов), устанавливает запрет на отказ от базовых обязательств (например, алиментов — ст. 80 СК). Но для него характерно и сохранение публичного порядка: запрет на сделки, нарушающие моральные устои (ст. 169 ГК). Стабильность конфликта заключается в том, что семейное право сохраняет неизменные гарантии, несмотря на попытки сторон обойти их через гражданско-правовые механизмы.

Если в гражданском праве свобода договора допускает гибкость и изменение условий (например, пересмотр соглашения об алиментах), то семейное право, напротив, фиксирует гарантии (например, минимальный размер алиментов на детей, в порядке ст. 103 СК), чтобы обеспечить стабильность жизненно важных обязательств.

В-третьих, налицо сочетание правовых принципов равенства сторон и асимметрии статусов. Согласно ст. 1 ГК, в гражданском праве действует принцип равенства участников отношений. Стороны считаются юридически равными, даже если их фактическое положение различается. Стороны самостоятельно определяют условия соглашения (ст. 421 ГК), никто не вправе навязывать условия без согласия контрагента, а также стороны несут ответственность в пределах своего имущества.

В семейном праве участники изначально неравны в силу лично-доверительного характера связи (родители и дети, супруги). Здесь доминирует асимметрия статусов, требующая защиты слабой стороны. Родители обладают властными полномочиями, но обязаны действовать в интересах ребенка (ст. ст. 54, 65 СК РФ). Ребенок, в силу возраста, не может самостоятельно защищать свои права. Кроме того, финансово зависимый супруг (например, воспитывающий детей) получает гарантии (алименты, раздел имущества (ст. ст. 34, 90 СК)).

В настоящее время законодателем и правоприменителем создается механизм разрешения конфликта. Ключевой для разрешения конфликтов методов выступает ст. 4 СК. Она устанавливает два базовых принципа для разрешения конфликта. Первый гласит, что нормы семейного права имеют приоритет над нормами гражданского права. Так, соглашение об уплате алиментов (ст. ст. 99, 100 СК) подчиняется не только ГК, но и специальным требованиям СК.

Второй принцип позволяет участникам семейных правоотношений использовать нормы гражданского права субсидиарно. Гражданское право используется в семейных отношениях только в части, не урегулированной СК (ст. 4 СК). Например, общие правила о недействительности сделок (ст. ст. 166–181 ГК) применяются к брачному договору, если нет специальных норм в СК.

Для преодоления конфликта методов правового регулирования двух отраслей российского права суды могут ограничить свободу договора. Суды признают недействительными условия брачных договоров или алиментных соглашений, нарушающие императивные нормы. Они ограничивают свободу договора в случаях, когда соглашения нарушают права и интересы ребенка. Это связано с приоритетом защиты детей как социально уязвимой группы, закрепленным в семейном законодательстве и международных актах (ст. ст. 101, 102 СК).

Любой договор (алиментное соглашение, брачный договор и др.), ущемляющий права ребенка, признается недействительным или изменяется судом. Если родители в алиментном соглашении устанавливают выплаты ниже минимального уровня в соответствии со ст. ст. 81, 103 СК, суд отменит такое условие (даже если стороны добровольно согласовали его). Условия брачного договора, лишаящие ребенка права на наследство или содержание, также будут ничтожными (п. 3 ст. 42 СК).

Несмотря на конфликт методов правового регулирования семейного и гражданского права, их наличие и сочетание в правовом регулировании общественных отношений позволяет сохранять баланс между автономией воли и социальной справедливостью.

А. В. Быков

Законодательство Российской империи о вертикальных границах земельных участков во второй половине XIX — начале XX веков

Земельный участок понимается как пространственная единица, включающая ограниченную поверхность земли, прилегающее подпочвенное пространство (недра) и воздушное пространство над ним. Вопрос регулирования границ земельных участков, особенно в глубину и высоту, становится актуальным именно в указанный период истории России вследствие развития промышленности, строительства железных дорог и расширения городского хозяйства.

Во второй половине XIX — начале XX вв. земельное законодательство Российской империи претерпело значительные изменения, связанные с отменой крепостного права (1861 г.) и последующими реформами, направленными на модернизацию аграрного сектора. Одним из ключевых аспектов правового регулирования стало определение пространственных границ земельных участков, включая их вертикальные пределы.

Профессор Г. Ф. Шершеневич, говоря о формировании представлений о праве собственности в России, полагал, что «только при Екатерине II торжествует вполне идея частной собственности в той форме, в какой она существует и в настоящее время», включая представления о принадлежности пространства под поверхностью земли к праву собственности на земельный участок на поверхности, имея в виду Манифест Екатерины II от 28 июня 1782 г. «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащихся», который закрепил право собственника земельного участка на содержание недр, подразумевая в первую очередь полезные ископаемые [1, с. 238].

Согласно Своду законов гражданских, право полной собственности на землю распространялось «на все произведения на поверхности ее, на все, что заключается в недрах ее, на воды, в пределах ее находящиеся, и, словом, на все ее принадлежности» [2]. Однако законодательство не содержало четких количественных параметров глубины и высоты, оставляя их на усмотрение судебной практики и обычного права.

Пространство под земельным участком рассматривалось с точки зрения добычи полезных ископаемых, не случайно вопросы собственности регулировались также горным законодательством: «Право полной частной собственности в имуществах недвижимых объемлет не одну по-

верхность земли, но и самое её недра; и потому оно простирается на все сокровенные минералы и на все металлы, из них происходящие» [3].

В отличие от современного законодательства о недропользовании, юристы Российской империи подходили к понятию недр функционально, как к содержащим залежи полезных ископаемых. Поэтому вопрос о глубине прав пользования, а соответственно и полномочий собственника земельного участка в отношении подземного пространства не ставился [4, с. 17–26].

Профессор К. П. Победоносцев в Курсе гражданского права указывает, что право собственности на землю распространяется, безусловно, и на недра, вследствие чего собственник ничем не ограничен в добыче полезных ископаемых. Условием начала разработок являлось уведомление (не получение разрешения) Горного управления. Особый характер связи собственности на землю и недра под участком подчеркивался отсутствием права самостоятельно разрабатывать полезные ископаемые у арендатора, пользователя. Победоносцев указывает при этом на неопределенность в законодательстве, но признает такое положение вещей естественным: право аренды распространяется только на поверхность земли, на использование недр во всяком случае требуется разрешение собственника. Обязательный план устройства рудника, завода, который представлялся собственником земли или нанимателем, которому собственник предоставляет право разработки ископаемых на его земле, и на основе которого Горное управление выдавало свидетельство на рудник, Победоносцев рассматривает не как ограничение прав, а как способ проверки и удостоверения прав собственности [5, с. 420–421].

Г. Ф. Шершеневич также указывал на право собственника земельного участка на неограниченное использование подземного пространства в целях добычи полезных ископаемых, которые являются неотъемлемой принадлежностью земельного участка [1, с. 232].

Пределы права собственности на земельный участок по высоте законодательно не регулировались.

В проекте Гражданского уложения, подготовленном Редакционной комиссией, предлагалось изложить статью 23 следующим образом: «Право собственности на землю простирается на поверхность, на воздушное над нею пространство и на недра» [6]. В пояснительной записке указывалось, что комиссия рассматривала предложение включить положения, аналогичные ст. 905 Германского гражданского уложения об ограничении прав собственника на такой высоте и глубине, на которых действия третьих лиц не препятствуют пользованию имуществом. Хотя призна-

валось, что в целом в этом есть разумное начало, комиссия сочла желательным включать данное положение в проект Гражданского уложения. Оговаривалась возможность ограничений прав собственников отдельным законодательным актом применительно к порядку, установленному для отчуждения недвижимых имуществ для государственных или общественных целей.

Подводя итог, следует отметить, что во второй половине XIX — начале XX вв. в Российской империи закрепление норм относительно вертикальных границ было размытым и могло порождать правовую неопределенность. Земельное законодательство Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. не успевало за вызовами индустриальной эпохи. Вертикальные границы участков регулировались архаичными принципами. Развитие промышленности, технический прогресс закономерно потребовал бы в будущем большей конкретизации законодательного определения полномочий собственника на пространство над и под земельным участком.

Анализ исторического опыта показывает, что проблема урегулирования правовых вопросов, связанных с границами земельных участков в глубину и высоту, оставалась актуальной и нерешенной вплоть до революционных преобразований 1917 г. Дальнейшее развитие законодательства шло уже в рамках советской правовой системы, ставившей иные приоритеты и подходы.

Список источников

1. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. 4-е изд. Казань, 1902.

2. *Свод законов гражданских* // Свод законов Российской империи изд. 1900 г. Т. X, ч. 1, ст. 424. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Свод учреждений и уставов горных.* Свод законов Российской империи 1912. Т. VII, ст. 193. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Суклин Н. Т.* Развитие представлений о правах на недра в дореволюционной цивилистике // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 8-1.

5. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Ч. 1. СПб., 1896.

6. *Гражданское уложение.* Книга третья: Вотчинное право. Проект Высочайше утвержденный Редакционной комиссией по составлению Гражданского уложения. Т. первый. СПб., 1902.

Ю. Ю. Гарцева, В. Н. Гонтарь

Пересекая границы: правовые нюансы заключения браков с иностранным элементом

В современном мире, где процессы глобализации набирают обороты, трансграничные семейные отношения становятся все более распространенными. Эти отношения требуют юридического закрепления союза, что делает тему трансграничных браков и семейных отношений особенно актуальной.

Брак как институт семейного права имеет давнюю историю и играет важную роль в обществе, являясь основой для создания и поддержания семьи. Однако, несмотря на общие цели и задачи, каждая страна имеет свои уникальные подходы к правовому регулированию процедуры заключения брака, что обусловлено этническими, религиозными, юридическими и территориальными особенностями.

Разнообразие подходов к регулированию трансграничных браков свидетельствует о сложности правовой регламентации этих отношений. Для правильного регулирования необходимо учитывать форму и порядок заключения брака, которые регулируются нормами международного частного права и коллизионными нормами.

При изучении трансграничных браков стоит определиться с понятийным аппаратом. В научной литературе дается понятие брака. Брак как институт семейного права представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих личные и имущественные отношения между супругами. При этом теория определяет брак как добровольный союз мужчины и женщины, заключаемый с целью создания семьи. Обратим внимание, что в формулировке понятия брака отсутствует оговорка о гражданской принадлежности лиц, вступающих в семейные отношения, поэтому необходимо определить понятие трансграничных браков. Трансграничными стоит называть браки, заключаемые между гражданами разных стран, требующие особого правового регулирования. При определении правового статуса супругов в трансграничных браках необходимо отталкиваться от принципа равенства супругов. Равенство супругов и их статусов в трансграничных браках является одним из ключевых принципов, который должен соблюдаться при регистрации таких браков. Это означает, что оба супруга имеют равные права и обязанности перед законом, независимо от их гражданства или места заключения брака. Основные аспекты равенства супругов и их статусов представляют:

1. Равенство перед законом: оба супруга должны иметь равные права и обязанности в соответствии с законодательством страны, где заклю-

чается брак. Это относится к праву на совместное имущество, воспитание детей и другие семейные вопросы.

2. Равенство в правах и обязанностях: супруги должны иметь равные права и обязанности в рамках брака, независимо от их гражданства или места заключения брака. Это включает право на совместное проживание, ведение общего хозяйства и другие аспекты семейной жизни.

3. Равенство в признании брака: брак, заключенный в соответствии с законодательством одной страны, должен признаваться действительным в другой стране, если оба супруга являются гражданами этих стран. Это обеспечивает равенство статусов супругов в трансграничных браках.

4. Равенство в правах наследования: супруги должны иметь равные права на наследство друг друга, независимо от их гражданства или места заключения брака. Это обеспечивает справедливость и равенство в имущественных отношениях.

5. Равенство в родительских правах: оба супруга должны иметь равные права и обязанности в отношении воспитания и содержания детей, независимо от их гражданства или места заключения брака. Таким образом, равенство супругов и их статусов в трансграничных браках является важным аспектом, обеспечивающим справедливость и равноправие в семейных отношениях между гражданами разных стран.

Данный принцип получил закрепление как в международном праве, так и в национальном законодательстве страны. Среди международных соглашений можно выделить Гаагскую конвенцию о заключении и признании действительности браков от 14 марта 1978 г.: положения конвенции определяют правила заключения трансграничных браков, в частности, согласно положениям главы II конвенции брак признается законным, если он соответствует законодательству обеих стран, гражданами которых являются будущие супруги [1].

В Российской Федерации регулирование института брака осуществляется на основе Семейного кодекса РФ [2] и Федерального закона № 143 от 13 ноября 1997 г. «Об актах гражданского состояния» [3].

Стоит обратить внимание, что международные договоры и национальное законодательство определяют требования к лицам, вступающим в брак, а также условия, при которых брак, в том числе и трансграничный, считается действительным. Важным условием для заключения трансграничного брака является личное присутствие каждой из сторон, что отражено в международных актах и введено в законодательство разных стран. Так, ст. 11 Семейного кодекса РФ определяет, что брак заключается в личном присутствии брачующихся.

Одним из условий вступления в брак является возраст потенциальных супругов. По общему правилу в брак могут вступать лица, достигшие совершеннолетия, однако брачный возраст может быть снижен при наличии определенных условий и согласия компетентных органов.

Еще одним условием действительности трансграничных браков является запрет на принудительные союзы. Данное правило предусмотрено ст. 1 Конвенции: запрещено заключение брака без свободного согласия супругов. Данное условие дополняется условием, предусмотренным ст. 16 Всеобщей декларации прав человека, предусматривающей наличие добровольного согласия лиц, вступающих в брак. Согласие должно быть выражено лично, в присутствии представителя компетентного органа.

Отметим, что любой брак для признания его действительным должен быть заключен в компетентных органах (в России — органах записи актов гражданского состояния). В связи с этим особого внимания заслуживают вопросы заключения религиозных браков. В России браки, совершенные по религиозным обрядам, не порождают правовых последствий. Для признания брака законным необходима его государственная регистрация. Это означает, что даже если брак был заключен по религиозному обряду в другой стране, для признания его в России необходимо пройти процедуру государственной регистрации. Стоит отметить, что в некоторых странах религиозные браки могут быть признаны законными. Так, в Великобритании религиозные браки, заключенные в соответствии с требованиями англиканской церкви или других признанных религиозных организаций, имеют юридическую силу и признаются государством. На Кипре религиозные браки, заключенные в церкви или других религиозных учреждениях, признаются законными при условии соблюдения всех необходимых формальностей и требований. В Египте религиозные браки, заключенные в соответствии с мусульманскими обрядами, признаются законными и имеют юридическую силу без необходимости дополнительной государственной регистрации. Однако для признания таких браков в других странах, необходима его регистрация в соответствующих органах.

При заключении трансграничных браков важным условием выступает соблюдение законодательства обеих стран, гражданами которых являются лица, вступающие в брак: требования к возрасту, необходимость согласия на заключение брака и иные условия, которые могут препятствовать заключению брака.

Трансграничные браки представляют собой сложные и многогранные явления, которые требуют особого внимания и регулирования.

Основные сложности при заключении трансграничных браков связаны, прежде всего, с различием в брачном законодательстве. В разных странах существуют значительные различия в семейном праве, что создает трудности при заключении трансграничных браков. Например, в России браки заключаются только в государственных органах, тогда как в Великобритании религиозные браки также имеют юридическую силу. Эти различия могут привести к признанию брака недействительным в одной из стран. К таким различиям можно отнести, например, брачный возраст.

В каждой стране установлен свой минимальный брачный возраст. Например, в России это 18 лет, а во Франции — 18 лет для мужчин и 15 лет для женщин. Эти различия могут вызвать юридические сложности при заключении браков между гражданами разных стран.

В некоторых странах существуют особые условия для вступления в брак с иностранцем. Например, в Дании требуется достаточная жилая площадь, постоянный доход и банковская гарантия. Эти требования могут стать препятствием для заключения брака.

Одной из главных проблем является признание браков, заключенных в другой стране. Множество спорных браков, которые признаются в одном государстве, но не признаются в другом, создают правовую неопределенность и сложности для супругов.

В некоторых религиях и странах разрешено многоженство, что не признается в других государствах. Например, в России многоженство запрещено, поэтому такие браки не будут признаны действительными.

Таким образом, трансграничные браки представляют собой важный аспект международного частного права, требующий дальнейшего развития и совершенствования. Решение существующих проблем и сложностей позволит обеспечить защиту прав и интересов граждан, вступающих в браки с иностранным элементом, и создать более гармоничную правовую среду для таких союзов.

Список источников

1. *Конвенция о заключении и признании действительности браков* от 14 марта 1978 года. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. *Семейный кодекс Российской Федерации* от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. *Об актах гражданского состояния* (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024) : федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Г. А. Гаспарян

Актуальные проблемы недействительности брачного договора

Действующее законодательство предоставляет возможность супругам изменять правовой режим имущества, приобретаемого ими в браке посредством заключения брачного договора.

При этом законодатель предусмотрел, что оспаривание брачного договора возможно по основаниям, установленным Гражданским кодексом РФ (далее — ГК РФ), либо в случае, если его условия ставят одного из супругов в крайне невыгодное положение.

В данном аспекте нельзя не согласиться с М. И. Брагинским и В. В. Витрянским, считающими, что существуют все основания для признания брачного договора «разновидностью гражданско-правового договора» [1, с. 27].

В судебной практике встречаются попытки признания неконституционным использование оценочно-описательной формулировки «крайне невыгодное положение» как неопределенной. Вместе с тем Конституционным судом РФ было отмечено, что данная формулировка не может свидетельствовать о неопределенности содержания п. 2 ст. 42 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ), поскольку обстоятельства, оказывающие влияние на имущественное положение супругов, разнообразны, что делает невозможным установление в законе исчерпывающего перечня таких обстоятельств. Кроме того, Конституционный суд указал: вопрос о том, ставит ли условие брачного договора одного из супругов в крайне невыгодное положение должен разрешаться индивидуально, с учетом обстоятельств дела [2].

Дискуссию вызывает вопрос легитимности включения в брачный договор условия о том, что в случае расторжения брака по вине одного из супругов, например, в случае измены, все имущество, приобретенное в период брака, переходит в собственность второго супруга.

Для решения вопроса прежде всего необходимо учитывать следующее. Супруг, виновный в неподобающем поведении, лишается всего имущества, приобретенного в период брака, что, на первый взгляд, является несправедливым, поскольку ставит его в крайне невыгодное положение по сравнению с другим супругом, приобретающим в свою собственность все совместно нажитое имущество.

Основные начала гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ) устанавливают, что граждане самостоятельно приобретают и осуществляют свои права своей волей и в своем интересе. Кроме того, эта же статья

ГК РФ устанавливает принцип свободы договора и запрета произвольного вмешательства в частные дела.

Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу, что суды не находят оснований для признания недействительными условий брачного договора, устанавливающих режим индивидуальной собственности имущества, приобретенного на имя супруга, и в тех случаях, когда все или почти все приобретаемое в браке имущество приобретается на имя лишь одного супруга [3].

Следует учитывать, что, будучи разновидностью гражданско-правового договора, брачный договор может быть оспорен по основаниям § 2 гл. 9 ГК РФ. Это значит, что суд должен выяснять, была ли действительно воля супругов направлена на установление указанных в брачном договоре последствий расторжения брака по вине одного из них. В случае если суд придет к выводу, что воля сторон была действительно направлена на установление таких правовых последствий, то основания для признания брачного договора недействительным отсутствуют.

Вместе с тем Верховный Суд РФ при рассмотрении спора о признании брачного договора недействительным, по условиям которого в случае расторжения брака по инициативе супруга либо в результате его недостойного поведения (супружеской измены, пьянства, хулиганских действий и т. п.), имущество, нажитое во время брака и относящееся к общей совместной собственности супругов, переходит в собственность второго супруга, признал брачный договор ничтожным, поскольку он ставит одного из супругов в крайне неблагоприятное положение [4]. Учитывая, что судом не был произведен анализ того, была ли воля сторон направлена на установление данных последствий расторжения брака, говорить о законности принятого судом решения не представляется возможным.

Определенный интерес вызывает вопрос о возможном злоупотреблении со стороны одного из супругов, намеренно создающего условия для нарушения условий брачного договора другим супругом.

Считаем, что, при условии включения в брачный договор параметров о расторжении брака по тем или иным основаниям, все (или почти все) имущество, приобретенное в браке, переходит в собственность одного из супругов, суд должен проводить тщательный анализ того, была ли действительная воля обеих сторон направлена на установление именно таких последствий. Когда воля и волеизъявление сторон совпадали, то основания для признания договора недействительным отсутствуют.

Список источников

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд. М., 2011. Книга 1.

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 июня 2011 г. № 779-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Апелляционное определение Московского городского суда от 16 января 2018 г. по делу № 33-1182/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 декабря 2016 г. № 5-КГ16-174. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е. Ю. Гончарова

Основания и случаи установления доверительного управления наследственным имуществом

Институт доверительного управления наследственным имуществом занимает особое место в системе мер, установленных отечественным законодательством и направленных на обеспечение целостности, сохранности и эффективного использования имущества, входящего в наследственную массу.

Согласно п. 3 ст. 1173 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), доверительное управление может быть установлено как по решению нотариуса, так и на основании завещания наследодателя. В обоих случаях цель доверительного управления заключается в надлежащем управлении имуществом до определения правопреемников и (или) его распределения между наследниками.

Наличие доверительного управления в завещании — наиболее распространенный и понятный случай. Наследодатель может предусмотреть, что определенные объекты имущества (движимого или недвижимого) переходят в управление конкретному лицу, которое должно распоряжаться ими в интересах указанных выгодоприобретателей. Такой подход особенно актуален в отношении имущества, требующего осуществления профессионального управления, например: акции, доли в бизнесе, объекты, приносящие доход либо требующие специфического обслуживания.

ния (антиквариат, коллекции, интеллектуальная собственность) [1, с. 95]. В этой связи доверительный управляющий выполняет функцию временного правопреемника, деятельность которого направлена не на извлечение личной выгоды, а на реализацию воли наследодателя и защиту имущественных интересов наследников.

Особого внимания заслуживает случай, когда доверительное управление устанавливается нотариусом. В соответствии с п. 1 ст. 1173 ГК РФ, «если ведение дел, связанных с управлением наследственным имуществом, не может быть осуществлено без значительного ущерба для этого имущества, нотариус вправе назначить доверительного управляющего. Перечень имущества является открытым и может включать в себя любую собственность, требующую управления» [2, с. 31]. Реализация данного положения на практике означает, что в случае, если имеется реальная угроза утраты имущества либо снижения его стоимости, например, в связи с прекращением хозяйственной деятельности, отсутствием лиц, способных осуществлять уход за имуществом, либо из-за длительного времени, необходимого для установления круга наследников, нотариус должен принять меры к сохранению наследственной массы посредством ее передачи в управление третьему лицу.

При этом закреплённая законодателем оценочная формулировка «значительный ущерб» вызывает определенные сложности, связанные с толкованием и требует должной интерпретации. Так, в ряде судебных решений подчеркивается, что под категорией «значительный ущерб» понимается невозможность надлежащего содержания недвижимого имущества, прекращение операций по банковским счетам, потеря рыночной стоимости имущества, простои в деятельности коммерческих организаций, находящихся в составе наследства [1, с. 96]. Следовательно, доверительное управление выступает инструментом защиты не только имущественного интереса наследников, но и публичного интереса, заключающегося в обеспечении стабильности гражданского оборота.

Особого внимания заслуживают ситуации, когда доверительное управление устанавливается нотариусом. В соответствии с п. 1 ст. 1173 ГК РФ, если ведение дел, связанных с управлением наследственным имуществом, не может быть осуществлено без значительного ущерба для этого имущества, нотариус вправе назначить доверительного управляющего. Перечень имущества, указанный в п. 1 ст. 1173 ГК РФ, является открытым и может включать в себя любую собственность, требующую управления [2, с. 31].

Высокую значимость доверительное управление приобретает в случае наследования долей в уставных капиталах хозяйственных обществ. Как отмечает В. И. Харин, «в случае отсутствия возможности управления корпо-

ративными правами деятельность хозяйственного общества может быть парализована» [3, с. 445]. Это особенно актуально, если наследуется доля, обеспечивающая контроль или кворум в органах управления. В таких ситуациях назначение профессионального доверительного управляющего — необходимая мера поддержания правосубъектности компании. В условиях цифровизации возникают новые нерешенные вопросы. Цифровые активы, криптовалюты, интеллектуальные права требуют профессионального управления. Как отмечает Г. А. Павлова, «включение цифровых активов в наследственную массу требует нового подхода к понятию состава имущества и ответственности доверительного управляющего» [4, с. 93].

Вопросы реализации исследуемых предписаний на практике осложняются отсутствием четкой регламентации в законодательстве. Как подчеркивает М. В. Ратушный, «в статье 1173 ГК РФ отсутствуют ответы на ключевые практические вопросы — о сроке, содержании, субъектах договора» [1, с. 95]. Это приводит к спорам, например, о возможности включения выгодоприобретателей в договор, если их круг на момент заключения не установлен. Доверительный управляющий наследственным имуществом осуществляет свою деятельность в рамках договора доверительного управления, который заключается нотариусом от имени предполагаемых наследников, что представляет собой специфический случай представительства без поручения. Это обстоятельство также вызывает вопросы с точки зрения теории обязательственного права, поскольку управление имуществом осуществляется до момента возникновения соответствующих прав у наследников. Важно помнить о реализации одного из основополагающих принципов правового регулирования — принципе баланса интересов, направленного на достижение справедливого соотношения между противостоящими и противоречивыми интересами различных субъектов правовых отношений [5, с. 174]. Таким образом, доверительный управляющий обязан действовать как в интересах лиц, правосубъектность которых в отношении спорного имущества еще не наступила, так и в интересах юридического лица, над которым устанавливается управление.

Кроме того, отсутствует единая практика вознаграждения доверительных управляющих. В некоторых случаях расходы на доверительное управление включаются в состав наследственных издержек, подлежащих распределению между наследниками. В других случаях управляющие получают вознаграждение из доходов, извлеченных в результате управления. Очевидно, что этот вопрос требует нормативной регламентации и закрепления принципов разумности, соразмерности и согласованности при определении таких выплат.

Необходимо также учитывать, что действия доверительного управляющего повлекут последствия для будущих собственников имущества. Поэтому требование добросовестности и осмотрительности в действиях управляющего должно быть центральным принципом, соблюдение которого проверяется в рамках возможных последующих судебных споров. Более того, управляющий обязан учитывать не только текущие интересы, связанные с сохранением наследственной массы, но и предполагаемую волю наследников, насколько она может быть установлена, что делает его деятельность предельно ответственной и рискованной с юридической точки зрения.

Сложности вызывает и прекращение доверительного управления. На практике управляющий может сохранять полномочия после истечения срока, если наследники не заявили о своих правах, либо при возникновении спора о наследовании. Это приводит к ситуации неопределенности, которая может быть устранена лишь путем внесения изменений в действующее законодательство, предусматривающих обязательное указание предельного срока доверительного управления и порядок его продления либо прекращения.

Таким образом, доверительное управление наследственным имуществом является эффективным механизмом обеспечения интересов как потенциальных наследников, так и кредиторов наследодателя. Вместе с тем нормативное регулирование данного института требует дальнейшего развития, в том числе в части процедурных оснований его установления, критериев выбора управляющего, гарантий добросовестности и отчетности, порядка завершения управления и защиты прав лиц, в интересах которых оно осуществляется.

Список источников

1. *Ратушный М. В.* Проблемы доверительного управления наследственным имуществом: вопросы теории и практики // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 5(200).
2. *Григорьева А. Г., Сушкова И. А.* Доверительное управление наследственным имуществом // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 10.
3. *Харин В. И.* Проблемы доверительного управления долей в уставном капитале общества, входящей в состав наследственной массы // Вопросы российской юстиции. 2022. № 18.
4. *Павлова Г. А.* Доверительное управление наследственным имуществом: регулирование и некоторые практические аспекты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10(241).

5. Борков В. Н., Москаленко Г. Е. Реализация принципа баланса интересов в правоохранительной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4(57).

Н. М. Захарова

Механизмы противопожарного страхования в Российской Федерации

Российское общество постоянно сталкивается с различными угрозами как техногенного, так и природного характера, которые в свою очередь оказывают влияние на состояние национальной безопасности государства. В первую очередь это связано с высокой урбанизацией населения.

Согласно статистическим данным, ежедневно в нашей стране регистрируется около 350–400 пожаров. Каждый 15–17-й пожар уносит одну человеческую жизнь. При каждом 14-м пожаре травмируется один человек, не говоря уже о наносимом колоссальном ущербе [1–4]. Таким образом, пожарная опасность представляет реальную угрозу для нашей страны, тогда как обеспечение пожарной безопасности является одним из приоритетных направлений развития Российской Федерации.

В этой связи обеспечение безопасности, в том числе и пожарной, является важной государственной задачей, которая охватывает многие области знаний, требует совершенствования нормативной базы и внедрения инновационного подхода к решению данной задачи.

Таким решением может стать противопожарное страхование, которое, в свою очередь, обеспечит защиту от наиболее катастрофических по своим последствиям событий, обеспечит надежную защиту финансового благополучия и репутации от возможных претензий со стороны третьих лиц.

Страхование — это частно-правовая категория, которой обозначаются отношения по защите имущественных интересов физических и юридических лиц при наступлении определенных событий (страховых случаев).

В то же время за основной функцией противопожарного страхования — компенсацией вызванного пожаром имущественного ущерба — скрывается государственно-правовая функция повышения пожарной безопасности объектов и предупреждения пожаров. Страховой механизм защищенности объектов от пожаров состоит в снижении уровня пожарного риска путем повышения или снижения размера страховой премии, разработки полноценного комплекса противопожарных мероприятий, консультирования по-

тенциального страхователя по вопросам пожарной безопасности на этапе, предшествующем противопожарному страхованию.

В условиях несформировавшегося в Российской Федерации рынка противопожарного страхования страховые организации в первую очередь ориентированы на привлечение клиентов для максимальной прибыли. Это приводит к тому, что вопросы реального состояния противопожарной защищенности застрахованных объектов вторичны при вероятности ухода потенциального клиента в конкурирующую страховую компанию. Очень часто объекты страхуются со значительными нарушениями требований нормативных документов по пожарной безопасности. Отсутствуют реально действующие механизмы, побуждающие страховщиков и страхователей более ответственно относиться к противопожарной защищенности страхуемого объекта. Одним из таких механизмов может стать независимая оценка пожарного риска, проводимая в обязательном порядке перед заключением договора о противопожарном страховании объекта. Разработка механизма и способа контроля экспертов, участвующих в независимой оценке пожарного риска, должны побудить участников процесса к качественному аудиту пожарной безопасности, а невыполнение аккредитационных требований или выдача заведомо ложного заключения будет предусматривать лишение аккредитации на осуществление этого вида деятельности. Страховые организации, основываясь на заключении аккредитованного эксперта, смогут определять сумму страховой премии. Должностные лица страховых компаний в случае необходимости в значительных страховых выплатах будут вынуждены обосновывать целесообразность своих действий по заключению договора противопожарного страхования на конкретных условиях перед акционерами и другими заинтересованными лицами. Таким образом появятся механизмы саморегуляции, побуждающие страховщиков и страхователей повышать противопожарную защищенность страхуемых объектов [5, с. 35].

Для реализации предлагаемых нововведений требуется всестороннее изучение данного вопроса и наиболее целесообразным является разработка проекта организации взаимодействия органа исполнительной власти (МЧС России), страховых компаний и субъектов страхования в рамках реализации противопожарного имущественного страхования.

Список источников

1. *Пожары и пожарная безопасность в 2020 году*: статист. сб. / П. В. Полехин, М. А. Чебуханов, А. А. Козлов и др. ; под ред. Д. М. Гордиенко. М., 2021. URL: <https://mehs.fun/wp> (дата доступа: 12.11.2024).

2. *Пожары и пожарная безопасность в 2021 году* : статист. сб. / В. С. Гончаренко, Т. А. Чечетина и др. ; под ред. Д. М. Гордиенко. Балашиха, 2022. URL: <https://mehs.fun/wp> (дата доступа: 12.11.2024).

3. *Пожары и пожарная безопасность в 2022 году* : информ.-аналитич. сб. / В. С. Гончаренко, Т. А. Чечетина и др. ; отв. ред. Д. М. Гордиенко. Балашиха, 2023. URL: <https://mehs.fun/wp> (дата доступа: 12.11.2024).

4. *Пожары и пожарная безопасность в 2023 году* : информ.-аналитич. сб. / В. С. Гончаренко, Т. А. Чечетина и др. ; отв. ред. Д. М. Гордиенко. Балашиха, 2024. URL: <https://mehs.fun/wp> (дата доступа: 12.11.2024).

5. Архипов А. В., Шархун С. В. Использование инструмента независимой оценки пожарного риска в рамках реформирования контрольно-надзорной деятельности МЧС России // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Устойчивое развитие регионов : мат-лы XVI МНПК (Екатеринбург, 25–28 ноября 2020 г.) : в 2 т. Екатеринбург, 2020. Т. 1.

К. В. Карпов

Установление и использование видеонаблюдения в многоквартирном доме

Видеонаблюдение как неотъемлемая составляющая прочно вошла в нашу жизнь. Видеокамеры установлены практически везде, на автомагистралях, в общественных зданиях, в том числе во дворах и домах. Установление и использование видеонаблюдения имеет свои правовые особенности. Рассмотрим особенности установления и использования видеонаблюдения в многоквартирных домах.

Один из основных вопросов, которые возникают на практике, это вопрос о том, кто устанавливает видеонаблюдение. Если решение об установлении видеонаблюдения принимается собственниками жилых помещений многоквартирного дома на общем собрании, то должно быть принято не менее 2/3 голосов его участников. Это связано с тем, что установление видеонаблюдения находится во взаимосвязи с использованием общего имущества многоквартирного дома.

Также интересны вопросы использования видеонаблюдения (кто будет иметь доступ к информации) и получения доступа к нему. В ходе видеонаблюдения происходят сбор, обработка и хранение информации частного характера, при условии, что оборудование позволяет это сделать. Актуально и то, за чей счет будет происходить обслуживание видеонаблюдения.

В том случае, когда система видеонаблюдения будет включена в перечень общедомового имущества, вопросов не возникает, но это решение принимается большинством голосов собственников жилых помещений.

Рассмотрим случаи, когда видеонаблюдение устанавливается отдельными собственниками многоквартирного жилого дома в личных целях. Анализируя судебную практику, в большинстве случаев суды указывали на то, что собственник осуществил установку камер видеонаблюдения без решения общего собрания собственников. Решения судов исходили из того, что собственник использует общее имущество многоквартирного дома.

Весьма интересным является вопрос о том, что может быть отнесено к имуществу многоквартирного дома, очевидно, что речь будет идти не только о лестницах, лестничных площадках, крышах, подвалах, лифтах, фасадах домов. В одном из дел суд установил, что собственник без разрешения установил камеру видеонаблюдения на откосе окна с внешней стороны, т. е. со стороны улицы. Суд посчитал, что откосы окон с внешней стороны являются общедомовым имуществом и обязал демонтировать камеру видеонаблюдения [1].

Актуален вопрос о нарушении законодательства о персональных данных, когда собственник в установленном порядке получает разрешение на установку камеры видеонаблюдения на общедомовом имуществе.

Анализируя эту проблему, можно высказать разного рода суждения. На наш взгляд, все зависит от того, где и как будет установлено оборудование. Например, размещение камеры видеонаблюдения, в объектив которой попадает входная дверь квартиры напротив, может рассматриваться вмешательством в частную жизнь, так как при открывании двери квартиры есть вероятность увидеть внутреннюю часть жилого помещения и граждан, которые в ней находятся, фиксируется время прихода и ухода соседей.

Очевидно, что в том случае, когда в объектив попадает лишь входная дверь собственника, который ее и установил (при условии, что он получил на это разрешение), то очевидно, что вмешательства в частную жизнь соседей нет.

Иначе видится ситуация, когда в дверь квартиры вмонтирована камера видеонаблюдения. Формально камера установлена в самой квартире, но при этом ведется съемка входной двери квартиры напротив. В этом случае, на наш взгляд, есть все основания требовать демонтаж оборудования.

Предоставление доступа к использованию самой системы видеонаблюдения, например, дистанционно подключаться к камере, которая

установлена при входе в подъезд или квартиру, а также воспользоваться записью — следующий вопрос, который требует самостоятельного изучения.

Список источников

1. *Определение* Восьмого Кассационного суда общей юрисдикции № 88-26282/2021. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

К. В. Карпов, О. Г. Половников

О возможности установления фактических брачных отношений в условиях проведения Специальной военной операции

Семейное законодательство Российской Федерации отличается определенной консервативностью в вопросах правового регулирования заключения брака. Допускается только регистрация брака в органах записи актов гражданского состояния, что соответствует концепции реализации традиционных семейных ценностей. В последние годы, не только в научной литературе, но и на уровне разработки проектов федеральных законов [1] рассматривается возможность придания правовой регламентации фактическим брачным отношениям. Данная тематика приобрела особую актуальность с началом ведения Специальной военной операции (далее — СВО).

Определенным триггером в этом послужило выступление Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина в рамках проводимого заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека. Президент высказал определенную озабоченность судьбой женщин, которые потеряли своих «фактических супругов» в ходе проведения СВО, предложил проработать нормы, направленные на социальную защищенность таких женщин [2].

Достаточно быстро был подготовлен законопроект, нормы которого призваны придать правовую определенность фактическим брачным отношениям в случае гибели или объявления пропавшим без вести участника СВО, состоящего в незарегистрированном браке [3].

Законопроект определяет субъектный состав и требования, при наличии которых в рамках рассмотрения дел особого производства, предлагается устанавливать факт нахождения лиц в фактических брачных отношениях.

В ходе обсуждения данного законопроекта возникло значительное число вопросов, которые до настоящего времени не нашли своего решения, они касались прежде всего субъектного состава.

Весьма проблематично будет в судебном порядке установить субъектов, которые имеют право на признание фактических брачных отношений в том случае, когда погибший участник СВО состоял одновременно в отношениях с несколькими женщинами. Другая ситуация, когда мужчина де-юре еще находится в браке, а фактически достаточно продолжительное время состоит в других, в фактических брачных отношениях. Очевидно, что содержание норм законопроекта должно включать в себя отсылки к нормам семейного права, которые устанавливают препятствия к вступлению в брак. В частности, эти требования должны касаться возраста, пола, родства и т. д.

Для установления фактических брачных отношений законопроект устанавливает критерий совместного проживания мужчины и женщины в течение трех лет (или не менее одного года при наличии общего ребенка) и ведения общего хозяйства. Такой критерий, как совместное проживание, на наш взгляд, не обладает достаточной степенью определенности, что вызовет сложности в его установлении в судебном порядке.

Следует обратить внимание на следующее обстоятельство. В ходе рассмотрения дела об установлении фактических брачных отношений суд должен определить дату их возникновения: именно с этой даты должен устанавливаться и режим общей собственности супругов. Вместе с тем в самом законопроекте это положение не нашло отражения, что неминуемо на практике может повлечь за собой споры имущественного характера (долговые обязательства, наследование, получение социальных гарантий). Представляется, что без разрешения обозначенных проблем принятие законопроекта невозможно.

Вместе с тем обращает на себя внимание следующий вопрос: возможно ли добиться социальной справедливости и защитить интересы женщин, чей фактический супруг погиб в ходе проведения СВО?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего следует обратить внимание на слова Президента Российской Федерации: в своем выступлении он говорил именно о социальной защищенности данной категории женщин. Речь не шла о придании фактическим брачным отношениям законодательной определенности с точки зрения приравнивания их к брачным отношениям, которые возникают в силу регистрации брака в установленном законом порядке.

Представляется, что одним из возможных путей решения данного вопроса является установления факта нахождения на иждивении в отношении женщины, которая находилась в фактических брачных отношениях с погибшим в зоне проведения СВО. В этом случае нет необходимости внесения в нормы Семейного кодекса Российской Федерации норм о фактических брачных отношениях. Необходимо скорректировать нормы о социальной защищенности женщин, которые были признаны в судебном порядке иждивенцами погибшего участника СВО.

Список источников

1. *О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации* : проект федерального закона № 368962-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72905> (дата обращения: 09.01.2025).
3. *О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие Части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации* : проект федерального закона № 539969-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8>.

Е. С. Квасников

Пределы допустимости согласия на физический контакт в рамках договора возмездного оказания услуг в квест-индустрии

В квест-индустрии существуют проекты, где элементы физического воздействия осуществляются с согласия участников, что оформляется договором возмездного оказания услуг. В таком договоре закрепляются условия, включающие допустимые действия представителей исполнителя, ограничения на физический контакт и способы его прекращения (например, стоп-слово). Заказчики добровольно соглашаются на применение к ним насилия или его имитации (удержание, использование в отношении них бутафорского оружия) и совершения других действий, оплачивая эти услуги в рамках «адреналиновой» сделки.

Адреналиновая сделка — это неофициальный термин, обозначающий рискованную, основанную на получении определенных эмоций заказчиком сделку. Такого рода сделкам свойственна пограничная пра-

вомерность, поскольку в некоторых ситуациях существенные условия договора находятся на грани правового поля. Квесты с элементами насилия становятся все более востребованными, особенно среди молодежи.

В российском законодательстве нет прямых норм, регулирующих индустрию экстремальных квестов. С 1 марта 2024 г. введен национальный стандарт ГОСТ Р 71161–2023 «Услуги в области развлечений и отдыха детей. Квест-комнаты детские. Общие требования» [1], содержащий универсальные правила детских квест-комнат.

Правомерность договора возмездного оказания услуг относительно согласия на физический контакт зависит от соблюдения требований безопасности и соответствия нравственным принципам общества. Необходим баланс между реализацией принципа свободы договора и защитой жизни, здоровья и личной неприкосновенности заказчиков (ст. ст. 150, 151 ГК РФ).

Рассмотрим, будет ли согласие на физический контакт добровольным, если участник находится в состоянии стресса, а также обозначим грань между развлекательным перформансом и противоправным причинением вреда. Например, в 2024 г. в Саратове возбуждено уголовное дело об оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности, после того как 16-летняя девушка получила травмы, участвуя в хоррор-квесте. На квест можно было записаться с 16 лет, поскольку в услуги был включен так называемый ограниченный тактильный контакт. В результате девушка вернулась домой с гематомами, ссадинами и царапинами на бедрах и шее [2]. При этом заказчики в процессе исполнения договора, как правило, не пытаются остановить представителей исполнителя, а напротив, заплатив, ожидают выполнения услуг для получения определенных эмоций.

Однако в случае причинения вреда при выполнении указанного договора могут возникать как уголовно-правовые отношения (например, при совершении преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ), так и гражданско-правовая ответственность по ст. 1064 ГК РФ, п. 3 которой допускает отказ в возмещении вреда, если он причинен с согласия потерпевшего, а действия исполнителя не нарушают нравственные принципы общества.

Пределы допустимости согласия на физический контакт в рамках договора возмездного оказания услуг в квест-индустрии определяются несколькими составляющими.

Во-первых, в соответствии с п. 1 ст. 421 ГК РФ принцип свободы договора позволяет сторонам самостоятельно определять его условия,

если они не противоречат императивным нормам закона [3, с. 73–78]. Однако свобода договора не является абсолютной и ограничивается требованиями публичного порядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ). Договор на оказание услуг в квест-индустрии с элементами физического воздействия относится к возмездным сделкам (ст. 779 ГК РФ). Здесь его юридическая оценка осложняется неочевидностью объекта обязательства: если услуга сопряжена с причинением физического дискомфорта или психологического давления, возникает вопрос о соответствии таких действий принципам разумности и добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ).

Во-вторых, важно учитывать дееспособность заказчиков и действительность их информированного согласия. Лица, достигшие 16 лет (как в вышеуказанном инциденте), частично дееспособны и в соответствии с п. 2 ст. 26 ГК РФ имеют право совершать определенные сделки. Гражданское законодательство не содержит конкретного перечня сделок, которые нельзя заключать, — что не запрещено, то разрешено. Однако согласие на действия, связанные с повышенным риском для жизни и здоровья, может выходить за рамки обычного распоряжения своими правами [4, с. 34–39]. Полагаем, что в случае с квестами, где участники подвергаются физическому воздействию, согласие несовершеннолетнего требует дополнительных гарантий: письменное подтверждение родителей (по аналогии со ст. 26 ГК РФ); отсутствие скрытых рисков (в соответствии с принципом добросовестности, ст. 10 ГК РФ).

В-третьих, в случае причинения вреда участнику квеста применяются общие нормы о деликтной ответственности (ст. 1064 ГК РФ). Однако ч. 3 ст. 1064 ГК РФ предусматривает возможность отказа в возмещении, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего и действия причинителя не нарушают нравственные принципы общества. Согласие на причинение вреда не является абсолютным основанием для освобождения от ответственности. Если действия организаторов выходят за рамки разумного риска (например, приводят к реальным травмам вместо заявленной имитации), исполнитель должен нести ответственность, несмотря на согласие потерпевшего.

В настоящее время пределы допустимости согласия на физический контакт, в рамках договора возмездного оказания услуг, в квест-индустрии определяются: соблюдением принципов добросовестности и разумности; наличием действительного информированного согласия заказчика; соответствием нормам морали и публичного порядка. Однако отсутствие специального регулирования индустрии экстремальных

квестов создает риски злоупотреблений со стороны организаторов, которые могут формально включать в договор пункты о согласии, но нарушать меры безопасности в действительности.

Список источников

1. URL: <https://internet-law.ru/gost/gost/81825> (дата обращения: 28.04.2025).

2. Новостной интернет-портал «Вести.RU». URL: <https://www.vesti.ru/article/4228484> (дата обращения: 28.04.2025).

3. Кузнецова О. А. Применение судами принципа свободы договора // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 1(3).

4. Шевчук Е. П. Является ли заранее подписанное согласие на причинение вреда здоровью спортсмена основанием для освобождения от гражданско-правовой ответственности участников спортивных соревнований? // ГлаголЪ правосудия. 2023. № 2(32).

Е. А. Конюх

Постановка на учет для получения единой социальной выплаты сотрудниками органов внутренних дел: действующий порядок и изменения в законодательстве

Ежегодно в жилищно-бытовые комиссии территориальных органов внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД РФ) сотрудники полиции подают тысячи заявлений с необходимым комплектом документов для рассмотрения вопроса о постановке на учет сотрудника и членов его семьи на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (далее — ЕСВ, единовременная выплата). Многие имеют опыт прохождения службы не только в ОВД РФ, но и ранее — в Вооруженных силах РФ, являются ветеранами боевых действий, многодетными родителями, удостоены государственных наград, обладают другими статусами.

В законодательстве уже достаточно давно был установлен перечень льготных категорий сотрудников, которые обладают преимущественным правом в общей очереди по сравнению с остальными сотрудниками на предоставление ЕСВ. Вместе с тем на практике постоянно возникал вопрос: с какого момента считать сотрудника поставленным на учет на получение ЕСВ — с момента написания рапорта (подачи заявления

с комплектом требуемых документов) или с момента принятия решения руководителем территориального ОВД РФ в виде распоряжения, утверждающего решение жилищно-бытовой комиссии (далее — ЖБК). По общему правилу, на практике действовал второй вариант. Этот вопрос был детализирован с внесением действующих с 11 ноября 2023 г. изменений в п. 15(1) постановления Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. № 1223 «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты» (далее — Правила № 1223), согласно которым при постановке на учет для получения единовременной выплаты датой принятия сотрудника на учет для получения единовременной выплаты является дата приема заявления сотрудника и документов, предусмотренных пунктом 5 Правил № 1223.

Казалось бы, предельно ясное положение. Однако ЖБК территориальных органов, как показывает практика, без решения суда не предпринимают действий к изменению даты постановки на учет тех сотрудников, которые встали на очередь до внесенных изменений. Особенно это актуально для тех, кто подавал заявления в конце календарного года, например, в декабре, а правовой акт о постановке руководитель принимал в январе следующего года. Тем самым такой сотрудник не может претендовать на предоставление ЕСВ в том году, когда было подано заявление, опережая сотрудников, которые не имеют льготного статуса, а это могут быть значительные движения в очереди. От этого формального действия зависит период ожидания предоставления ЕСВ, поскольку сотрудник в очереди находится с более ранней даты. Ситуация может быть осложнена обстоятельством, когда многие сотрудники часто проходят службу в разных территориальных ОВД РФ и субъектах РФ, что требует снятия с учета по одному месту службы и постановки на новом месте после перевода.

Чтобы предметно разобраться в ситуации, обратимся к действующему законодательству на примере сотрудника — ветерана боевых действий.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ № 247) сотрудник, имеющий стаж службы в органах внутренних дел не менее 10 лет в ка-

лендарном исчислении, имеет право на единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения один раз за весь период государственной службы, в том числе службы в органах внутренних дел.

ЕСВ предоставляется сотруднику при условии, что он за весь период прохождения государственной службы не получал субсидию или иную выплату для приобретения или строительства жилого помещения за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (ч. 1.1 ст. 4 ФЗ № 247). ЕСВ предоставляется сотруднику с учетом совместно проживающих с ним членов его семьи (ч. 4 ст. 4 ФЗ № 247).

В соответствии с ч. 10 ст. 4 ФЗ № 247 сотрудник, состоящий на учете в качестве имеющего право на получение ЕСВ и являющийся ветераном боевых действий, имеет преимущественное право на предоставление единовременной социальной выплаты перед сотрудниками и гражданами Российской Федерации, уволенными со службы в органах внутренних дел с правом на пенсию, принятыми на учет в том же году.

Принятие сотрудника на учет для получения единовременной выплаты осуществляется на основании заявления сотрудника на имя руководителя федерального органа исполнительной власти (п. 5 Правил № 1223).

Для рассмотрения заявлений сотрудников и принятия сотрудников на учет для получения единовременной выплаты правовым актом федерального органа исполнительной власти, органа образуется комиссия по предоставлению единовременной выплаты сотрудникам (далее — комиссия) и утверждается Положение о комиссии (п. 10 Правил № 1223).

Дата приема заявления сотрудника и документов, указанных в п. 5 Правил № 1223, отражается в регистрационном журнале комиссии. Сотруднику выдается справка о дате приема его заявления и документов (п. 11 Правил № 1223). Комиссия ведет книгу учета сотрудников органов внутренних дел, принятых на учет для получения единовременной выплаты (п. «г» п. 14 Правил № 1223) (далее — книга учета).

Решение о принятии (об отказе в принятии) сотрудника на учет для получения единовременной выплаты принимается комиссией не позднее чем через 3 месяца с даты приема заявления и документов, предусмотренных п. 5 Правил № 1223.

Решения комиссии о принятии (об отказе в принятии) сотрудников на учет для получения единовременной выплаты и о снятии их с учета оформляются протоколами и в течение 14 рабочих дней утверждаются правовыми актами федерального органа исполнительной власти (органов),

с указанием фамилий, имен и отчеств (при наличии) сотрудников, их дат рождения, состава семьи и дат принятия заявления (п. 15 Правил № 1223).

Если даты принятия на учет для получения единовременной выплаты сотрудников совпадают, определение очередности в целях предоставления единовременной выплаты осуществляется исходя из наибольшего стажа службы в календарном исчислении на дату принятия на учет. Сведения о сотруднике, принятом на учет для получения единовременной выплаты, заносятся в книгу учета в порядке очередности с учетом даты принятия на учет (п. 20 Правил № 1223).

На каждого сотрудника, принятого на учет для получения единовременной выплаты, заводится учетное дело, в котором содержатся заявление и документы, представленные в соответствии с п. 5 Правил № 1223. Учетному делу присваивается номер, соответствующий номеру в книге учета (п. 22 Правил № 1223).

При переводе сотрудников в пределах одного федерального органа исполнительной власти к новому месту службы, в котором постановка сотрудников на учет для получения единовременной выплаты осуществляется иными комиссиями, сведения об указанных сотрудниках на основании решения комиссии о принятии сотрудника на учет для получения единовременной выплаты вносятся в книгу учета по новому месту службы с даты принятия их на учет по прежнему месту службы (п. 22(1) Правил № 1223).

Для целей распределения по органам бюджетных ассигнований, выделяемых на предоставление единовременной выплаты, уполномоченное подразделение формирует единую очередь лиц, принятых на учет для получения единовременной выплаты, в порядке очередности принятия на учет, а также с учетом положений чч. 3, 3.1, 8, 10 ст. 4 и ч. 10 ст. 20 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (п. 25 Правил № 1223).

Порядок формирования и ведения базы данных о лицах, состоящих в органах внутренних дел Российской Федерации на учете для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, а также снятых с данного учета, определен приказом МВД России от 25 января 2022 г. № 70 «Об утверждении Порядка формирования и ведения базы данных о лицах, состоящих в органах внутренних дел Российской Федерации на учете для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, а также снятых с данного учета» (далее — Приказ № 70).

Руководителем (начальником) органа, организации, подразделения МВД России определяется ответственное подразделение за формирование базы данных (п. 4 Приказа № 70). Так, в Главном управлении МВД России по г. Москве таким ответственным подразделением является Управление организации тылового обеспечения ГУ МВД России по г. Москве.

Согласно п. 31 Правил № 1223 единовременная выплата предоставляется сотрудникам в порядке очередности принятия на учет. Сотрудник, состоящий на учете в качестве имеющего право на получение единовременной социальной выплаты и являющийся ветераном боевых действий, имеет преимущественное право на предоставление ему единовременной социальной выплаты перед сотрудниками и гражданами Российской Федерации, уволенными со службы в органах внутренних дел с правом на пенсию, принятыми на учет в том же году. Сотрудникам и гражданам Российской Федерации, уволенным со службы с правом на пенсию, состоящим на учете в качестве имеющих право на получение единовременной выплаты, которые имеют преимущественное право на предоставление единовременной выплаты, предоставление такой выплаты осуществляется в порядке очередности принятия их на учет.

Вместе с тем в соответствии с вышеприведенными положениями нормативных правовых актов (в том числе изменениями, внесенными в Правила № 1223 постановлением Правительства РФ от 3 ноября 2023 г. № 1854, действующими с 11 ноября 2023 г., в частности, дополнение п. 15(1), новая редакция п. 20) реализация права на ЕСВ в порядке очередности обуславливается именно датой подачи заявления с необходимыми документами.

Отсюда — определение даты постановки на учет для получения ЕСВ не в соответствии с датой подачи заявления и необходимых документов в комиссию, а согласно дате принятия распоряжения руководителя территориального органа, утверждающего решение жилищно-бытовой комиссии, противоречит действующему законодательству и нарушает права сотрудника на своевременное получение ЕСВ, поскольку на основании положений п. 15(1) и п. 20 Правил № 1223 очередность определяется исходя из даты подачи заявления с необходимыми документами и наибольшего стажа службы в календарном исчислении на дату принятия на учет. То есть сотрудник, имеющий большую выслугу лет и подавший заявление о принятии на учет в один день с сотрудником, имеющим меньшую выслугу лет, будет состоять на учете для получения ЕСВ ранее сотрудника с меньшей выслугой лет, в случае же подачи сотрудниками заявлений о постановке на учет в разные даты ранее, состоять

на учете будет тот сотрудник, который подал заявление раньше, независимо от выслуги лет.

В последнем случае не будет иметь значения статус ветерана боевых действий, предусматривающий согласно ч. 10 ст. 4 ФЗ № 247 и п. 31 Правил № 1223 преимущественное право на предоставление единовременной социальной выплаты перед сотрудниками и гражданами Российской Федерации, уволенными со службы в органах внутренних дел с правом на пенсию, принятыми на учет в том же году.

Таким образом, в настоящее время имеют место множественные случаи, когда перед отдельными сотрудниками, подавшими заявления в декабре, в списке очередников-сотрудников, состоящих на учете на получение ЕСВ, находится большое количество сотрудников с датой подачи заявления, следующей за датой подачи заявления, что нарушает права на улучшение жилищных условий, противоречит ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации, гарантирующей равенство прав и свобод человека и гражданина, ставит в неравное положение сотрудника, имеющего право на выплату ЕСВ на момент обращения в соответствующую ЖБК с заявлением о постановке на учет на получение такой выплаты, по сравнению с другими сотрудниками, обладающими таким же правом, но обратившимися с заявлением и необходимыми документами позже по дате.

Е. А. Коных, И. А. Клишкин

Некоторые особенности трудовых договоров (контрактов) в хоккее

Хоккей — один из самых любимых видов спорта в России, обладающий богатой историей и занимающий особое место в культурной жизни страны. От скромных любительских игр в начале прошлого века до триумфов на мировой арене российский хоккей прошел впечатляющую эволюцию, став олицетворением высокого мастерства, предметом национальной гордости, а также профессиональной деятельностью многих людей. Согласно статистике, профессионально хоккеем занималось на 2023 г. 101 819 человек [1]. Всего же хоккеем в нашей стране занимается более 670 тыс. человек, в том числе 15 тыс. женщин [2].

Трудовые отношения в профессиональном хоккее имеют определенные особенности, связанные со спецификой: статуса работника и работодателя; оформления в виде заключения контрактов между хоккейным

клубом и игроками; определения взаимных прав и обязанностей сторон; иных аспектов взаимодействия между клубами и игроками (например, порядок трансфера между клубами).

Далее рассмотрим отдельные особенности трудовых договоров в профессиональном хоккее на примере, в основном, Континентальной хоккейной лиги (далее — КХЛ).

Между клубом (работодателем) и хоккеистом (работником) заключается контракт, т. е. соглашение, в соответствии с которым работник обязуется выполнять лично трудовую функцию, а работодатель обязуется обеспечить условия труда и выплачивать заработную плату. Особенности возникновения трудовых отношений между спортсменом (тренером) и клубом определены в гл. 54.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) [3]. Согласно ст. 348.2 ТК РФ со спортсменом может быть заключен как срочный трудовой договор, так и трудовой договор на неопределенный срок.

На практике в хоккее заключаются срочные трудовые договоры на один-два сезона. Данное явление связано с постоянно меняющимися условиями в профессиональном спорте, статистикой, качеством игры спортсмена, политикой клуба, за который он играет, регламентом и т. д. Также законодатель требует соблюдения особых условий, которые должны быть включены в трудовой договор (контракт). Согласно ст. 348.2 ТК РФ такими условиями являются:

— обязанность работодателя обеспечить проведение тренировочных мероприятий и участие спортсмена в спортивных соревнованиях под руководством тренера (тренеров). Данное условие находится, например, в разделе «Права и обязанности» (пп. «а» п. 3.2) (здесь и далее приводятся условия, содержащиеся в контракте одного из авторов статьи). Реализация данного критерия позволяет главному тренеру руководить командой, именно он определяет качество игры конкретного хоккеиста (данное положение находится в разделе «Предмет договора» (п. 1.5)) и состав на игру;

— обязанность спортсмена соблюдать спортивный режим, установленный работодателем, и выполнять планы подготовки к спортивным соревнованиям. Данное условие находится в разделе «Права и обязанности» (пп. «а» п. 3.3). Несоблюдение этого условия является основанием для расторжения контракта по инициативе клуба. Как разъяснил Верховный Суд РФ, спортивный режим подразумевает не только следование внутренним правилам учреждения, но и личную дисциплину каждого атлета. Это предполагает строгое исполнение индивидуальной и коллек-

тивной программы подготовки, поддержание определенного рациона питания, контроль веса, отказ от вредных привычек. Дополнительно спортсмен обязан самостоятельно заниматься физической активностью вне основных занятий, организованных организацией, и соблюдать нормы этического поведения [3];

- обязанность спортсмена принимать участие в спортивных соревнованиях только по указанию работодателя. Данное условие находится также в разделе «Права и обязанности» (пп. «б» п. 3.2), позволяет контролировать возможности неконтролируемого участия спортсмена в каких-либо соревнованиях, не обусловленных трудовым соглашением, в целях предотвращения получения спортивных травм;

- обязанность спортсмена соблюдать общероссийские антидопинговые правила и антидопинговые правила, утвержденные международными антидопинговыми организациями, проходить допинг-контроль. Данное условие находится в разделе «Права и обязанности» (пп. «в» п. 3.2). Выполнение данного условия позволяет сделать спорт справедливым и честным, а также соответствовать международным стандартам, как принято говорить, «чистоты» спортсмена на предмет использования запрещенных препаратов. В унисон с рассмотренным подразумевается обязанность спортсмена предоставлять информацию о своем местонахождении в соответствии с общероссийскими антидопинговыми правилами для проведения допинг-контроля;

- обеспечение работодателем страхования жизни и здоровья спортсмена, а также медицинского страхования в целях получения спортсменом дополнительных медицинских и иных услуг, сверх установленных программами обязательного медицинского страхования, с указанием условий этих видов страхования. В связи с тем что хоккей — вид спорта контактный, связанный с применением силовых приемов, наличием столкновений, что ведет к риску получения травм разной степени тяжести, то выполнение данного условия способствует обеспечению гарантий в части качественного лечения и восстановления.

Согласно Регламенту КХЛ с игроками могут быть заключены следующие виды контрактов: односторонний; двусторонний; трехсторонний; пробный; контракт хоккеиста МХЛ «Молодежные команды» (двусторонний); контракт хоккеиста «Молодежная команда» (односторонний); контракт юниора.

В соответствии со ст. 67 ТК РФ трудовой договор заключается в письменной форме. Обязательные условия, которые должны быть отражены, согласно ст. 57 ТК РФ, в трудовом договоре, в полной мере распростра-

няются и на контракты в профессиональном хоккее. Опираясь на Правовой регламент КХЛ, утвержденный Советом директоров ООО «КХЛ» 27 июля 2021 г. [4], у хоккейного контракта имеются преамбула и 10 разделов (здесь речь идет о двустороннем контракте): предмет контракта; срок действия контракта; начало работы; права и обязанности сторон; условия оплаты труда (зарботная плата, доплаты, надбавки, премии и другие поощрительные выплаты); компенсации; прекращение и расторжение контракта; разрешение споров; особые условия контракта; заключительные положения, адреса и подписи сторон.

Данные разделы не могут меняться или дополняться согласно п. 16 ст. 16 гл. 4 Правового регламента КХЛ. Исключением являются высокооплачиваемые иностранцы. Например, в п. 11.1 той же статьи и главы предписывается обеспечить членов семьи хоккеиста, прибывших в Российскую Федерацию и являющихся иностранными гражданами, возможностью на получение ими первичной медико-санитарной помощи и специализированной медицинской помощи посредством заключения клубом договора (полиса) добровольного медицинского страхования либо соответствующего договора с медицинской организацией, при их отсутствии у членов семьи.

При исследовании специфики профессионального контракта в хоккее необходимо иметь в виду наличие отдельных понятий, которые влияют на дальнейшее взаимодействие работника (спортсмена) и работодателя (хоккейного клуба): «спортивные права», «статус хоккеиста», «спортивный рынок».

Спортивные права определяются как комплекс правовых полномочий, предоставляемых клубам и хоккейным школам в рамках контракта профессионального хоккеиста, контракта юниора, а также Регламента КХЛ, с учетом специфики положений законодательства Российской Федерации, соответствующих нормативных правовых актов и внутренних нормативных документов КХЛ.

Статус хоккеиста — это правовое положение игрока, которое определяет его права и ограничения. Согласно правовому регламенту КХЛ хоккеист имеет следующие статусы: «Действующий контракт»; «Ограниченно свободный агент»; «Неограниченно свободный агент»; «Юниор»; «Конфликт»; «Выбранный игрок»; «Закрепленные права»; «Игрок, закрепленный за Клубом»; «Травмированный игрок»; «Иностранный игрок».

Спортивный рынок КХЛ, включая систему спортивных прав, это особая система взаимоотношений между клубами, игроками и агентами,

регулирующая переход игроков между командами и определяющая условия контрактов. Эта структура появилась в результате формирования профессиональных лиг, тождественных зарубежным аналогам — НХЛ и другим европейским чемпионатам.

Подробный анализ указанных выше понятий не является предметом анализа в настоящей статье.

В заключение хотелось бы отметить, что трудовой договор (именуемый в профессиональном хоккее контрактом) имеет как стандартные общеобязательные, так и специфические положения, позволяющие рассуждать о его особой природе.

Список источников

1. *Total number of registered ice hockey players in Russia from 2010/11 to 2022/23.* URL: <https://www.statista.com/statistics/> (дата обращения: 22.04.2025).
2. *Чернышенко: сейчас в России более 670 тыс. человек занимаются хоккеем.* URL: <https://www.championat.com/hockey/> (дата обращения: 20.04.2025).
3. *О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 ноября 2015 г. № 52. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.04.2025).
4. *Правовой регламент КХЛ. Сезоны 2021/2022, 2022/2023, 2023/2024, 2024/2025.* URL: <https://www.khl.ru/documents/> (дата обращения: 19.04.2025).

И. А. Кузнецова

Ограничение дееспособности лиц, страдающих зависимостью

Субъекты гражданских правоотношений могут самостоятельно выбирать формы и способы реализации принадлежащих им прав, при этом реализация субъективных прав одного лица может негативно сказываться на другом лице. Эти люди могут не находиться в обязательственных правоотношениях, а быть связанными иными, например, родственными. Человек, часто приобретающий алкогольную продукцию, может ставить в тяжелое материальное положение свою семью. Здесь мы наблюдаем противоборство двух интересов: самого зависимого и его семьи.

Как было отмечено И. Б. Новицким, «любовь и эгоизм как деятельные силы идут в жизнь в известной очереди и конкуренции, но с течением времени спорная область постепенно сокращается за счет второй силы в пользу первой» [1]. Далее автор указывает, что «цель гражданской политики состоит в приближении к любви, в облагораживании мотивации в общественной жизни» [1]. Таким образом, в гражданском обороте не должно быть места безграничному эгоизму при реализации принадлежащих субъекту гражданских прав.

Дискуссионным вопросом гражданского права является возможность ограничения дееспособности лиц, страдающих зависимостью, тем самым уходящих от любви в безграничный эгоизм.

Так, действующее законодательство устанавливает три основания для ограничения в дееспособности, а именно: пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками или наркотическими веществами, при условии, что такое пристрастие ставит семью данного лица в тяжелое материальное положение. Этот перечень оснований является исчерпывающим и не предполагает расширительного толкования.

Оснований, приведенных в ст. 30 Гражданского кодекса РФ, явно недостаточно для удовлетворения потребностей общества и защиты нарушенных прав. Человек, имеющий зависимость, не входящую в приведенный выше список, может проявлять сколь угодно эгоизм при реализации своих прав (например, зависимый от компьютерных игр может тратить значительные суммы на приобретение внутриигрового имущества и тем самым ставить свою семью в тяжелое материальное положение), при этом члены семьи будут находиться в уязвимом, незащищенном положении.

Если обратиться к статистическим исследованиям, то мы увидим, что, например, число страдающих игровой зависимостью постоянно растет [2].

С точки зрения психологии, любая зависимость (аддикция) представляет собой системное изменение психических процессов и поведения, характерной чертой которого являются непреодолимое желание или стойкая потребность в чем-либо. Это могут быть какие-либо вещества (наркотические вещества, алкогольные напитки), деятельность (трудоголизм), ощущения (адреналиновая зависимость) и даже отношения (например, любовная зависимость) и т. д.

Отдельные виды зависимости, как основания для ограничения дееспособности лиц, рассматривались учеными-цивиристами. В частности, Д. А. Белецким при анализе вопроса о возможности ограничения

дееспособности страдающих компьютерной зависимостью было совершенно верно отмечено, что «для ограничения дееспособности первоочередное значение имеет сам факт того, что лицо ставит свою семью в тяжелое материальное положение вследствие каких-либо зависимостей, а вид самой зависимости ... не должен иметь существенного значения» [3, с. 7].

Развивая мысль, отметим, что на сегодняшний день существует множество зависимостей, которые приводят к чрезмерным тратам семейного бюджета и, как следствие, к тяжелому материальному положению.

В частности, активное развитие онлайн-торговли приводит к тому, что можно совершать любое количество покупок не выходя из дома. Согласно опросу, проведенному Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», «примерно 25% российских потребителей стараются заглушить покупками тревогу и депрессию, 20% совершают покупки импульсивно, а 10% — на волне паники от новостей» [4]. Это, в свою очередь, может негативно сказываться на материальном положении семьи.

Таким образом, проведенное нами исследование показывает, что на сегодняшний день оснований, перечисленных в ст. 30 ГК РФ, явно недостаточно для того, чтобы удовлетворять потребности общества и надлежащим образом защищать интересы участников гражданского оборота, оказывающихся в тяжелом материальном положении по причине чрезмерного эгоизма со стороны членов их семей.

Это указывает на необходимость дальнейшего, более углубленного изучения обозначенной нами проблемы и поиска оптимальных путей ее разрешения, поскольку к вопросу о любой правовой реформе следует подходить всесторонне изучив все «за» и «против». В частности, следует уяснить, возможно ли реформировать ст. 30 ГК РФ путем указания в ней общего термина «расточительство», как это предлагают сделать некоторые авторы [5, с. 22–24], или же это приведет к тому, что суду будет дан чрезмерный простор для усмотрения и как следствие, — это откроет путь к злоупотреблению. На наш взгляд, следует лишь дополнить обсуждаемую статью указанием на новые виды зависимости, позволяющие ограничить дееспособность лица.

Список источников

1. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. URL: <https://corprf.ru/printsip-dobroy-sovesti>.

2. РБК Новости. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 21.04.2025).

3. Белецкий Д. А. К вопросу о возможности ограничения в дееспособности лиц, страдающих компьютерной зависимостью (игроманией) // Актуальные проблемы частного права : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

4. Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/3833676> (дата обращения: 21.04.2025).

5. Воронова О. Н. Расточительство как «новое» основание ограничения дееспособности граждан // Нотариус. 2020. № 7.

А. Б. Малявина

Проблемные вопросы защиты авторских прав

Вопрос защиты авторских прав на объекты творческой деятельности был актуален всегда и осуществляется в мире не так давно по сравнению с защитой вещных прав. «Не только в правовых системах примитивных народов, — писал известный российский цивилист И. А. Покровский, — но даже еще в праве римском духовная деятельность подобного рода не давала никаких субъективных прав на ее продукты их авторам и не пользовалась никакой правовой защитой. Всякий мог опубликовать или воспроизвести без согласия автора его произведение, осуществить его техническое изобретение. Насколько мало ценилась в римском праве духовная деятельность сама по себе, видно уже из того, что в классическую эпоху, например, поэма, написанная на чужом писчем материале, или картина, нарисованная на чужой доске, принадлежали не поэту или художнику, а собственнику писчего материала или доски» [1].

Проблема защиты авторских прав актуальна в настоящее время, поскольку с развитием информационных технологий и общественного прогресса доступ в Интернет — всемирную информационную сеть, предназначенную для хранения, обработки и передачи информации, имеет любой обладатель смартфона или персонального компьютера. По этой причине в настоящее время проблема подтверждения и защиты авторских прав приобрела глобальный характер, поскольку использование Интернета стало неотъемлемой частью жизни человека.

Согласно ст. 44 Конституции Российской Федерации, каждому гражданину гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Кроме этого, закон

прямо указывает, что результаты интеллектуальной деятельности охраняются законом. Следует отметить, что ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит перечень объектов авторских прав, а именно: произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения (литературные произведения; драматические и музыкально-драматические произведения, сценарные произведения; хореографические произведения и пантомимы; музыкальные произведения с текстом или без текста; аудиовизуальные произведения; произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства; произведения декоративно-прикладного и сценографического искусства и фотографические произведения и др.). К объектам авторских прав также относятся компьютерные программы, охраняемые как литературные произведения.

Чтобы защитить автора от незаконного посягательства на его произведения, санкции предусмотрены и уголовным законодательством. В статье 146 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение авторских и смежных прав» под нарушением в данном случае понимается незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта. Ответственность также предусматривается гражданским и административным законодательством Российской Федерации, в зависимости от степени противоправного деяния, посягающего на авторские права.

Отличительной особенностью правового положения авторских прав в России является отсутствие необходимости в их регистрации, в отличие, например, от патентных прав. Именно по этой причине авторские права имеют уязвимое место — необходимость их подтверждения. Эта проблема важна в настоящее время, поскольку представители творческих профессий (художники, иллюстраторы, писатели и т. д.) говорят о необходимости создания специальной базы для авторов, где принадлежность произведений будет подтверждена, тем самым защищая и самих авторов. Однако стоит сказать, что реализация предложенного способа трудна, поскольку регистрации будет подлежать множество объектов, с объемом которых справиться весьма трудно.

Необходимость в доказывании авторского права на произведение возникает в том случае, когда авторское право нарушено. Нарушением авторских прав будет являться плагиат, т. е. незаконное присвоение или объявление себя автором чужого произведения, без указания имени автора или его соавторов.

Исходя из этого гражданское законодательство и практическая деятельность судов предусматривают несколько способов подтверждения авторских прав.

Самым распространенным способом является отправка своего же произведения самому себе с помощью почтового письма. Отправке на собственный адрес подлежит оригинальный экземпляр произведения, например, фотографии или произведения, ценным заказным отправлением. Если случится обстоятельство, при котором произведение будет опубликовано не от имени автора, то доказать нарушение авторских прав в суде будет возможно благодаря отправленному экземпляру произведения. Несмотря на простоту в исполнении и весомую силу этого способа доказывания, такой метод все же имеет некоторые недостатки. Одним из недостатков является возможность случайной утери отправления, поскольку ни одно лицо не защищено от такой неприятности, также как и от повреждения при транспортировке. Другой проблемой будет являться возможность доказывания в суде подлинности печатного штампа и целостности конверта, а именно следов вскрытия и повторной заклейки. Несмотря на несколько недостатков, такой способ доказывания авторских прав распространен и пользуется популярностью у многих авторов, желающих защитить свои права в случае их нарушения.

Депонирование является одним из часто используемых способов доказывания авторских прав. Суть депонирования заключается в том, что лицо, заинтересованное в регистрации своего произведения, обращается с этой целью в государственный орган, к компетенции которого относится депонирование. В Российской Федерации на сегодняшний день депонированием занимается АО «Национальный реестр интеллектуальной собственности» (АО «НРИС») и ООО «Интеллектуальный регистратор авторских прав IREG» (ООО «Айгер»). Депонирование сопровождается выдачей сертификата о принятии произведения с указанием даты, личных данных, обратившегося в организацию и сведений о произведении. Вместе с выдачей сертификата организация забирает сертифицированное произведение на хранение, тем самым обеспечивая его сохранность и защиту от незаконного использования. Следует иметь в виду, что депонирование является подтверждением существования объекта авторского права с того момента, когда лицо обратилось в организацию.

Еще одним способом доказывания авторских прав является удостоверение произведения у нотариуса. В этом случае следует обратиться к нотариусу с целью защиты авторских прав. В свою очередь нотариус принимает произведение в двух экземплярах — подлинник и копию,

он также обязан проверить их на отсутствие изменений: подчистки, исправления и т. д. После этой процедуры нотариус совершает удостоверительную надпись, в которой отражаются личные данные нотариуса, адрес нотариальной конторы, дата и время предъявления документа, данные предъявителя документа и место его жительства. Один экземпляр остается на хранении у нотариуса, а другой выдается на руки собственнику произведения; в случае необходимости подтверждения авторства он может предоставить свой экземпляр с подписью нотариуса.

Наряду с представленными способами особое место занимает запечатление процесса создания произведения путем фотографирования, видеосъемки или аудиозаписи [2, с. 119–123]. Съемка процесса создания произведения сопровождается использованием специальных технологических средств камеры или телефона. В судебном рассмотрении представленные материалы в качестве доказательства будут иметь особый вес, поскольку таким путем автор демонстрирует свою принадлежность к произведению. К исходным материалам будут относиться цифровые и бумажные носители, на которых также запечатлен процесс создания произведения.

Несмотря на достаточное количество различных способов подтверждения авторских прав, при рассмотрении исковых заявлений суд может учитывать любые виды доказательств, полученных с помощью сети Интернет. Таким способом будет являться предъявление скриншотов экрана компьютера или телефона, полученных с помощью специальных программ или стандартной комбинацией клавиш. На скриншоте должен быть указан адрес страницы и время распечатки. Иногда скриншоты заверяются нотариусом.

Любой из рассмотренных выше способов подтверждения авторских прав имеет свои особенности. Выбор того или иного механизма защиты остается за автором произведения. В большинстве случаев выбор основывается на финансовых возможностях, личных предпочтениях и пространственности использования выбранного способа.

Список источников

1. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_15.html (дата обращения: 18.03.2025).
2. *Асташкина А. В.* К вопросу о доказательствах авторских прав на фотографические произведения // *Образование и право*. 2020. № 10.

Злоупотребление правом как феномен нарушения принципа баланса интересов

Злоупотребление правом представляет собой одно из наиболее сложных и противоречивых явлений юридической действительности. В рамках современной правовой системы, ориентированной на обеспечение согласования интересов участников правоотношений, подобное поведение выходит за рамки допустимого и представляет собой не просто правонарушение, а деформацию ценностного каркаса права — в частности, принципа баланса интересов как фундаментального начала правового регулирования. Однако границы между правомерным использованием и его злоупотреблением зачастую оказываются расплывчатыми, что создает серьезные трудности для правоприменительной практики. Современная юридическая доктрина, стремясь выработать более точные критерии квалификации злоупотребления, интегрирует в частное право аксиологические категории — справедливость, баланс интересов, добросовестность.

Баланс интересов представляет собой ключевой принцип правового регулирования, направленный на достижение справедливого соотношения между противостоящими и противоречивыми интересами различных субъектов правовых отношений [1, с. 124]. Как справедливо отмечает А. Ф. Пьянкова, «баланс интересов является самостоятельным гражданско-правовым принципом, который представляет собой основную идею гражданского права, заключающуюся в том, что право должно стремиться к соразмерности прав и обязанностей участников правоотношений и обеспечению равных возможностей для реализации законных интересов» [2, с. 124].

Статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо устанавливает, что действия, совершенные исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия, совершенные вопреки назначению права, а также совершенные в обход закона с противоправной целью или с нарушением добросовестности и разумности, не допускаются. Данная норма является прямым выражением попытки закрепить границу между дозволенным и недопустимым поведением даже в рамках формального использования.

В теории права злоупотребление рассматривается как нарушение принципа соразмерности интересов. «Критерием баланса интересов является эквивалентность объектов встречного предоставления, то есть отсутствие чрезмерной выгоды или убытков для одной из сторон» [3, с. 9].

Именно в связи с этим злоупотребление не может быть сведено только к правонарушению, его особенность состоит в подмене цели права антиправовой целью. Примером может служить ситуация, когда должник использует процедуру банкротства как инструмент ухода от исполнения обязательств при наличии платежеспособности либо когда собственник ограничивает доступ к общему имуществу с целью давления на других участников гражданского оборота.

Феномен злоупотребления правом выходит за рамки частного права и представляет собой общетеоретическую проблему. Его существование наглядно демонстрирует, что право не является абсолютной формой власти одного лица над другим, а всегда ограничено моральными, социальными и юридическими пределами. Право не терпит произвола даже в правомерной форме, вследствие чего злоупотребление правом — это форма легального произвола, подрывающая социальную легитимность правовых норм. Развивая идею о связи между злоупотреблением правом и добросовестностью, И. Б. Новицкий еще в начале XX в. писал, что «принцип доброй совести выражает связанность, согласованность частных интересов, а также частного интереса с интересом целого» [4]. Следовательно, злоупотребление правом — это форма легального произвола, при котором внешняя оболочка права используется для разрушения его внутренней цели.

Каждое юридическое решение должно быть справедливым не только формально, но и субстанционально, т. е. учитывать моральные основания права. В случае злоупотребления право перестает быть справедливым, поскольку используется не как средство защиты, а как инструмент разрушения.

Современная судебная практика демонстрирует активное развитие подходов к выявлению и пресечению различных форм злоупотребления правом. Верховный Суд РФ в ряде обзоров подчеркивал, что злоупотребление может иметь место даже при буквальном соблюдении закона, если действия нарушают общие принципы права и создают несправедливый дисбаланс интересов. В качестве примера можно привести случаи необоснованного отказа от договора в целях давления на контрагента, манипуляции сроками исковой давности, фиктивные сделки и оспаривания прав на основании ничтожных обстоятельств.

Сложность квалификации злоупотребления правом заключается в отсутствии универсального критерия. Каждое дело требует оценки конкретных обстоятельств, соотношения целей и последствий поведения, оценки мотивов и результата. В этом аспекте право оказывается тесно связанным с моралью и правосознанием — отсюда и значимость инкорпорирования в правовое регулирование этических и аксиологи-

ческих компонентов [5, с. 341]. При этом злоупотребление правом может иметь как индивидуальные, так и системные последствия. В первом случае нарушается справедливость в отношениях между конкретными лицами, во втором подрывается доверие к институтам права. Если поведение, подрывающее баланс интересов, воспринимается как допустимое или неизбежное, это снижает правовую культуру, стимулирует правовой нигилизм и деформирует ожидания участников оборота. Таким образом, борьба со злоупотреблением правом — это не только вопрос частной справедливости, но и элемент укрепления правопорядка в целом.

Особый интерес представляет проблема злоупотребления при реализации прав в публично-правовой сфере (например, при подаче жалоб, ходатайств, истребовании доказательств), а также в сфере корпоративного управления (блокирование решений органами управления, подача «технических» исков, саботаж исполнения решений общих собраний) [4, с. 45].

В теоретико-прикладном аспекте представляется перспективным развитие концепции социальной функции права — идеи, согласно которой всякое право имеет границы, определяемые не только формой, но и содержанием. Реализация права без учета его социального назначения ведет к юридической девиации. Это требует от правоприменителя способности оценивать поведение не только с точки зрения нормативности, но и в контексте целей правового регулирования.

Таким образом, злоупотребление правом — это не просто отклонение от нормы, а феномен, подрывающий саму природу правового порядка как системы соразмерного и справедливого баланса интересов. Эффективная правовая система не может ограничиваться лишь установлением субъективных прав — она должна гарантировать, что осуществление прав не будет нарушать интересы других лиц и основ правопорядка. Решение этой задачи требует как нормативной чёткости, так и высокой правовой культуры всех участников правоотношений.

Список источников

1. *Борков В. Н.* Реализация принципа баланса интересов в правоохранительной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4(57).
2. *Пьянкова А. Ф.* Баланс интересов как принцип гражданского права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1(26).
3. *Архипов И. В.* Критерии баланса интересов: цивилистический аспект // Юридическая наука. 2022. № 8.

4. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательного права // «Center Bereg». Юридический портал. URL: <http://center-bereg.ru/b13498.html> (дата обращения: 12.05.2025).

5. Москаленко Г. Е. Развитие доктрины солидаризма во французской политико-правовой мысли XIX — начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95).

6. Москаленко Г. Е. Развитие электронной демократии в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28, № 1(84).

М. А. Мялицына

Последствия принуждения к даче показаний

Обязательным элементом любого состава преступления является его общественная опасность, которая состоит из совокупности различных факторов. В случае принуждения к даче показаний значимую роль играют последствия, возникшие в результате совершения противоправного деяния. Как верно отмечал Марцев А. И., сущность общественной опасности заключается в количественно-качественных изменениях, затрагивающих условия функционирования общества. Согласно его позиции, преступное деяние признается общественно опасным только в том случае, если оно наносит ущерб социальным отношениям, приводя к значительным негативным трансформациям [1, с. 75]. Подчеркиваем, что последствия преступления выступают важнейшим критерием при оценке степени общественной опасности деяния.

Результатом совершения преступления могут быть разные последствия. В качестве последствий принуждения к даче показаний выступают: нарушение нормального процесса по осуществлению правосудия; подрыв авторитета органов государственной власти; вред, причиненный жизни и здоровью пострадавшего, причинение ему нравственных страданий, понесенные им убытки и т. д. Назначение уголовного наказания за такое преступление не только влечет ответственность виновных, но и гарантирует пострадавшему право на компенсацию причиненного морального, физического и материального вреда в рамках закона.

Например, Центральный районный суд г. Воронежа рассмотрел гражданский иск гражданина Г. о взыскании компенсации морального вреда. Сотрудники полиции К. и С. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного пп. «а» и «б», ч. 3 ст. 286 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Действия указанных сотрудников

полицейские выразились в пытках, физическом и психическом насилии, которое они применяли к Г. в целях получения от него признательных показаний. Суд удовлетворил иск, указав, что нанесенный вред был выражен в причинении нравственных и физических страданий Г., долгосрочном нахождении Г. в стрессовом депрессивном состоянии, в психологической подавленности, а также в потере уважения к авторитету правоохранительных органов. В результате потерпевшему была выплачена компенсация морального вреда в размере 1 000 000 рублей [2].

Отметим, что в случае установления фактов преступного принуждения к даче показаний гражданско-правовая ответственность наступает по ст. ст. 1070 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии с указанными статьями материальную ответственность за противоправные действия сотрудников правоохранительных органов несет не сам виновный, а государство в лице соответствующего ведомства. В случае незаконных действий полицейских ответчиком выступает Министерство внутренних дел Российской Федерации.

К примеру, в деле журналиста Ивана Голунова суд первой инстанции взыскал компенсацию непосредственно с осужденных сотрудников полиции в размере 1 000 000 с каждого виновного. Однако суд апелляционной инстанции отменил это решение, указав, что в качестве ответчика должно выступать ведомство. При повторном рассмотрении иск был удовлетворен, и с Министерства внутренних дел Российской Федерации взыскали 1 500 000 рублей в пользу потерпевшего. Несмотря на доказанную вину конкретных сотрудников, ведомство не предъявило к ним регрессного иска о возмещении выплаченной компенсации. Этот пример подтверждает, что в подобных случаях государство берет на себя обязательства по возмещению вреда, оставляя вопрос внутренней ответственности виновных на усмотрение ведомства [3].

Применение регрессного порядка взыскания средств с виновных сотрудников правоохранительных органов сталкивается с рядом существенных правовых препятствий. Основная сложность заключается в необходимости доказывания вины конкретного должностного лица, что требует либо вступления в силу обвинительного приговора либо положительных результатов служебной проверки.

По нашим данным, требования о возмещении выплаченных компенсаций предъявляются лишь в 15–20% случаев. Это означает, что в большинстве ситуаций государство, выступая гарантом защиты прав граждан, фактически берет на себя финансовые последствия противоправных действий своих сотрудников, последующего возмещения ущерба.

Подводя итоги вышесказанного, считаем, что общественная опасность принуждения к даче показаний проявляется в последствиях, которые выражаются в том числе в обязанности государства компенсировать вред, причиненный лицам в результате преступного принуждения к даче показаний.

Список источников

1. *Марцев А. И.* Преступление: социально-правовой анализ : учебное пособие. Омск, 2012.

2. *Решение* от 24 мая 2021 года по делу № 2-954/21 Центрального районного суда г. Воронежа. URL: <https://actofact.ru/> (дата обращения: 24.04.2025).

3. *Иван Голунов* получил 1,5 млн рублей компенсации за незаконное преследование. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/07/04/72462662> (дата обращения: 24.04.2025).

Ю. В. Пономарева

Правовое регулирование гарантийного удержания в законодательстве стран СНГ

В деятельности хозяйствующих субъектов, занимающихся строительством объектов недвижимости, при заключении договоров строительного подряда, в части обеспечения гарантий качества выполненной работы, используют правовую конструкцию гарантийного удержания. Следует обратить внимание на то, что на законодательном уровне конструкция гарантийного удержания не имеет правового закрепления, но на практике активна. Обусловлено это тем, что с момента ввода объекта в эксплуатацию начинает истекать гарантийный срок на выполненные строительные работы, который по договорам строительного подряда составляет пять лет, что по современным меркам очень большой срок. Широкое применение гарантийного удержания способствует стабилизации гражданского оборота, увеличивает ответственность подрядчика за качество выполнения работ. Отсутствие правового регулирования гарантийного удержания в отечественном законодательстве заставляет нас обратить внимание на законодательство стран Содружества Независимых Государств, где данная правовая конструкция регламентирована.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь самостоятельных норм о гарантийном удержании не имеется, вместе с тем на уровне подзакон-

ного регулирования нормы о гарантийном удержании нашли правовую регламентацию. Указом Президента Республики Беларусь закрепляется обязанность подрядчика предоставить заказчику обеспечение своих обязательств в случае выявления и последующего устранения недостатков, вызванных некачественными работами. Недостатки выполненной работы могут быть выявлены в период гарантийного срока эксплуатации или обслуживания объекта строительства [1].

Особенность правового регулирования гарантийного удержания сводится к тому, что именно на подрядчика по договору возлагается основная обязанность предоставления гарантий в виде фиксированной денежной суммы на самостоятельном счете в банке либо предоставлением банковской гарантии на весь период строительства и постгарантийного обслуживания или страхования объекта строительства.

Представляется, что такой подход в регулировании отношений по обеспечению гарантийного обслуживания объекта строительства ложится тяжким бременем на подрядчика.

Условия о применении того или иного способа обеспечения обязательства в период действия гарантийного срока определяются соглашением сторон.

Вместе с тем следует отметить, что в рамках данного указа получили свое закрепление нормы, направленные на регулирование отношений пользования денежными средствами, которые были зарезервированы подрядчиком. Правовую регламентацию получили отношения, возникающие при ликвидации подрядчика, а также в случае невозможности ведения подрядчиком строительных работ.

Несмотря на некоторую фрагментарность регулирования гарантийного удержания, подзаконные акты Республики Беларусь можно считать позитивными, эти нормы могут служить правовой базой на пути дальнейшего регулирования гарантийного удержания.

Гражданский кодекс Республики Казахстан закрепляет право заказчика удерживать предусмотренную часть суммы из сметы работ до завершения гарантийного срока [2]. Гарантийный срок по договорам строительного подряда по законодательству Республики Казахстан составляет до десяти лет с момента принятия объекта строительства заказчиком.

Следует обратить внимание на то, что нет правовой определенности относительно начала истечения гарантийного срока, он начинает истекать с момента принятия заказчиком всего объекта в целом или принятия отдельных этапов выполнения работ. Законодатель не устанавливает норм, регулирующих взаимоотношения подрядчика и заказчика по устранению

выявленных недостатков в период действия гарантии. Эти и другие вопросы правового регулирования гарантийного удержания в законодательстве Республики Казахстан остаются неразрешенными.

Гражданский кодекс Республики Молдова в п. 2 ст. 1372 закрепляет право заказчика удержать из вознаграждения сумму, достаточную для покрытия заявленных при приемке оговорок по недостаткам работы, до того как будут произведены необходимые ремонт или исправления [3]. Несмотря на то что такое удержание части сумм возникает в момент приемки результата выполненной работы, его правовая природа несколько отличается от гарантийного удержания. В большей степени правовая природа удержания сумм из вознаграждения подрядчика ближе к способу оплаты стоимости выполненных работ. Заказчик вправе не принимать выполненные работы до устранения выявленных в ходе приемки недостатков. Следовательно, пока объект строительства не принят, гарантийный срок не истекает. В то же время п. 3 ст. 1372 Гражданского кодекса Республики Молдова закреплено следующее «Заказчик не может осуществить право, предусмотренное частью (2), если подрядчик предоставил достаточные гарантии исполнения своих обязательств».

Анализ Гражданского кодекса Азербайджанской Республики не позволяет прийти к выводу о том, что в законодательстве урегулированы отношения по гарантийному удержанию. Положения ст. 766 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики направлены на возможность снижения оплаты выполненной работы вследствие выявленных недостатков. Согласно указанной норме «заказчик, не принявший дополнительного исполнения договора по окончании установленного для этого срока и не сообщивший об отказе от договора, вправе уменьшить размер вознаграждения настолько, насколько недостаток уменьшил стоимость изделия» [4].

В законодательных актах иных стран Содружества Независимых Государств правовое регулирование гарантийного удержания отсутствует.

Исследование норм, регулирующих отношения, связанные с применением норм о гарантийном удержании в законодательстве зарубежных государств, может способствовать разработке института гарантийного удержания в отечественном законодательстве.

Список источников

1. *О мерах по совершенствованию строительной деятельности* : указ Президента Республики Беларусь от 14 января 2016 г. № 26

(ред. от 29.03.2022) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2014. № 1/14755.

2. *Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть)* : Закон Республики Казахстан от 1 июля 1999 г. № 409-І. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_/info (дата обращения: 04.02.2024).

3. *Гражданский кодекс Республики Молдова* от 6 июня 2002 г. № 1107-XV. Книга третья: Обязательства // Официальный монитор Республики Молдова. 2002. № 82-86/661.

4. *Гражданский кодекс Азербайджанской Республики* : Закон Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 779-IQ (ред. от 27 декабря 2021 г.) // Сборник законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 4.

О. А. Приданникова

Проблемы реформирования семейного законодательства в современном обществе

Семейное законодательство в Российской Федерации является одной из важнейших отраслей права, регулирующей личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи [1, с. 58]. В условиях динамично меняющегося общества возникает необходимость постоянного совершенствования правовых норм, что обусловлено изменениями в социальной структуре, экономике и культурных ценностях.

Реформирование семейного законодательства РФ сталкивается с рядом проблем включая противоречия между традиционными и современными подходами к регулированию семейных отношений, недостаточную эффективность механизмов защиты прав детей, а также несоответствие некоторых норм потребностям общества [2, с. 650].

В условиях современных внешних вызовов и динамичных преобразований в обществе процесс реформирования семейного законодательства в России сталкивается с определенными проблемами.

Изменение структуры семьи. Современная семья в России претерпевает значительные изменения: распространяются новые формы семейных отношений (гражданский или гостевой брак), увеличивается количество разводов [3]. Более 40% пар в РФ живут в так называемом гражданском браке, что не дает правовых гарантий (например, имущественных) при распаде отношений. По информации Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего обра-

зования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в 2024 г. в РФ было зарегистрировано около 880 000 браков, что на 7% меньше, чем в 2023 г. (946 000 браков) и на 16% меньше, чем в 2022 г. В 2024 г. число разводов в РФ выросло на 20% по сравнению с предыдущим: за первую половину 2024 г. на 360 000 браков пришлось 318 000 разводов. Несмотря на приведенные статистические данные, Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ) до сих пор ориентирован на традиционную модель семьи, что создает правовые пробелы. Например, отсутствие четкого регулирования имущественных отношений в фактических брачных союзах приводит к судебным спорам [4].

Защита прав детей. Одной из ключевых задач реформирования семейного законодательства является усиление защиты прав несовершеннолетних. Несмотря на прогрессивные нормы (приоритет семейного воспитания, учет мнения ребенка), остаются нерешенными следующие проблемы: неэффективность механизма изъятия детей из неблагополучных семей (злоупотребления или бездействие со стороны органов опеки и попечительства); алиментные обязательства (уклонение от выплат, недостаточность мер принудительного взыскания); отсутствие единого подхода к усыновлению (удочерению), в том числе международному.

Брачно-семейные отношения и гендерное равенство. Принцип равенства супругов в браке остается дискуссионным. Несмотря на законодательно закрепленный в СК РФ принцип равноправия мужчин и женщин, на практике сохраняются проблемы: неравного распределения родительских обязанностей (обычно матери берут на себя основную нагрузку по уходу за детьми) и раздела имущества, особенно в тех ситуациях, когда один из супругов не работал, а занимался ведением домашнего хозяйства [3, с. 212].

Для решения указанных проблем необходимо провести реформирование семейного законодательства.

1. Усовершенствовать регулирование фактических браков. Предоставить возможность заключения брачных договоров без регистрации брака.

2. Усилить защиту детей. Развивать институт приемных семей, создать механизмы автоматизации взыскания алиментов.

3. Гармонизировать отношения в соответствии с международными нормами семейного права, сохраняя национальные традиции России.

4. Внедрять медиацию как способ досудебного разрешения семейных споров.

Подводя итог, важно отметить, что семейная политика является ключевым фактором социальной стабильности и долгосрочного развития

государства. Реформирование семейного законодательства — сложный и многогранный процесс, требующий учета традиционных ценностей и социальных реалий. Основными направлениями изменений должны стать: защита прав детей, признание новых форм семейных отношений и повышение эффективности правоприменительной практики.

Список источников

1. Семейный кодекс Российской Федерации. Саратов, 2024.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Саратов, 2024.
3. Вавилин Е. В., Василевская Л. Ю. и др. Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики : монография. М., 2024.
4. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67eb9ba99a7947165b574ab9>.

А. Д. Светличный

Проверка наличия лицензии у участника госзакупки

Вопросам осуществления государственных закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд традиционно уделяется много внимания. Законодатель принимает новые и корректирует прежние нормативно-правовые акты в области государственных закупок. Сама деятельность государственных органов в широком смысле слова невозможна без удовлетворения их собственных нужд: приобретения соответствующего оборудования для обеспечения государственных служащих продуктами питания, канцелярией, создания благоприятных условий на рабочих местах. Государственные и муниципальные органы обеспечивают реализацию публичных интересов в экономической, социальной, коммерческой и иных важных сферах деятельности общества и государства. Все сказанное лишь подсвечивает повышенный интерес законодателя к сфере государственных закупок. Со стороны судебной власти внимание выражается в рассмотрении и разрешении гражданских, экономических (административных и уголовных) дел в области закупок для государственных и муниципальных нужд. Суды, включая и высшие судебные инстанции, обеспечивают выработку единообразной практики, разрешая такие споры по существу, что способствует действию важнейшего политико-правового принципа — обеспечению единого понимания текста и смысла законов. Устойчивая судебная практика может способствовать закреплению соответ-

ствующего правила в позитивном законе. Со стороны науки и доктрины вопросы, связанные с государственными контрактами для обеспечения государственных и муниципальных нужд, активно обсуждаются и дискутируются. Соблюдение баланса интересов участников закупок, выработка справедливых правовых концепций в области закупок — вот важная область действия как ученых-правоведов, так и практиков. Четкая, грамотная концепция способствует лучшему пониманию сути закупок для обучающихся в высших учебных заведениях нашей страны, а также служит путеводным ориентиром для судей.

В то же время регулирование госзакупок сталкивается с множеством правовых проблем, вызванных, в первую очередь, неточностью законодательных формулировок. К одной из таких проблем относится вопрос о проверке лицензии у участника государственной закупки товаров, работ, услуг для муниципальных и государственных нужд. Законодатель устанавливает требования о лицензировании определенных видов деятельности. Это относится в основном к более сложной либо ответственной сфере, где нужны специальные познания, образование, навыки, оборудование. Поэтому в сфере закупок повсеместно встречаются ситуации, когда к исполнителю (поставщику, продавцу) по государственному контракту могут предъявляться требования о наличии у него лицензии. Например, для монтажа холодильного оборудования или пожарной сигнализации. Тогда перед заказчиком, в лице комиссии по осуществлению закупок, встает вопрос о проверке наличия лицензии при рассмотрении полученных заявок от потенциальных поставщиков (исполнителей, продавцов).

Первая сложность связана с ситуацией, когда составители заявки по какой-то причине не указали в задании исполнителю обязательное наличие лицензии. Получается, что комиссия по закупкам не может проверять у откликнувшихся предпринимателей существование лицензии. Это может привести к заключению контракта с лицом, у которого такой лицензии нет, но одновременно он будет считаться победившим в аукционе. Это запутанная ситуация, на которую следует обратить внимание законодателю. Ясно, что должностное лицо контрактной службы заказчика должно быть привлечено к административной ответственности по ст. 14.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ограничение конкуренции органом государственной власти); вопрос же о действительности заключенного контракта остается, как минимум, спорным. Практика склоняется к тому, что контракт юридическую силу не теряет. Другая сложность сводится к случаям, когда лица для подтверж-

дения наличия у них необходимой лицензии предоставляют документы, из которых неясно, есть ли лицензия у участника. Например, известны случаи, когда участник закупки предоставлял скан-копию своей лицензии. Комиссия по осуществлению закупок отклоняла такую заявку на основании ч. 12 ст. 48 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», что в дальнейшем являлось причиной судебных и административных разбирательств по жалобам такого лица. Отстоять свою позицию у участника закупки не получалось — суды занимали сторону ответчика, а на исход дела не влияло даже то, что у истца фактически такая лицензия была.

К такому же результату на практике приводит включение участником закупок в заявку только электронного образца бумажной лицензии — заявка подлежит отклонению на законных основаниях. Другим похожим случаем является предоставление только номерных реквизитов лицензии, которые указаны участником закупочного процесса. Практика здесь склоняется больше в пользу такого участника. Этот подход считается неверным, не соответствующим закону и целям правового регулирования. Наиболее обоснованным представляется система, согласно которой участник закупки должен подтвердить наличие у него необходимой лицензии двумя путями: выпиской из реестра лицензий (которую можно получить на официальном сайте лицензирующего органа — эти данные находятся (должны находиться) в публичном открытом доступе); или заверенной копией лицензирующего органа о решении выдачи участнику закупок соответствующей лицензии.

Мы отметили лишь некоторые проблемные вопросы правового характера в сфере осуществления заключения государственных контрактов для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Кроме того, сформировали рекомендации, которые позволят участникам закупок избежать юридических ошибок при предоставлении сведений о наличии у них необходимых лицензий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алтынбаева Лилия Мударисовна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России

Башурова Елена Владимировна — старший преподаватель кафедры гражданского права Сибирского юридического университета (г. Омск)

Белецкий Даниил Александрович — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России

Быкова Анастасия Геннадьевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского,

Быков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России

Гарцева Юлия Юрьевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России

Гаспарян Галина Александровна — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России

Гонтарь Владимир Николаевич — кандидат педагогических наук, доцент, руководитель учебного центра ООО «Центр инновационных технологий» (г. Махачкала)

Гончарова Елена Юрьевна — секретарь нотариуса нотариального округа г. Омска

Захарова Наталья Михайловна — старший преподаватель кафедры государственной службы и кадровой политики Уральского института государственной противопожарной службы МЧС России (г. Екатеринбург)

Карпов Константин Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России

Квасников Евгений Сергеевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Омской академии МВД России

Климкин Иван Андреевич — хоккеист хоккейного клуба «Барс» (г. Казань)

Конюх Евгений Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет „Московский институт электронной техники“»

Кузнецова Ирина Алексеевна — преподаватель кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Малявина Анна Борисовна — кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России (г. Ростов-на-Дону)

Москаленко Глеб Евгеньевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Мялицина Мария Андреевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Половников Олег Геннадьевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Пономарева Юлия Владимировна — частнопрактикующий юрист, г. Москва

Приданникова Ольга Андреевна — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

Светличный Алексей Дмитриевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

Алтынбаева Л. М. Нарушение прав детей в приемных семьях: причины, последствия и пути решения	3
Башурова Е. В. О практике реализации антимонопольного законодательства при реорганизации унитарных предприятий	5
Белецкий Д. А. К вопросу о признании информационным посредником	12
Быкова А. Г. Соотношение метода правового регулирования в семейном и гражданском праве	15
Быков А. В. Законодательство Российской империи о вертикальных границах земельных участков во второй половине XIX — начале XX веков	18
Гарцева Ю. Ю., Гонтарь В. Н. Пересекая границы: правовые нюансы заключения браков с иностранным элементом	21
Гаспарян Г. А. Актуальные проблемы недействительности брачного договора	25
Гончарова Е. Ю. Основания и случаи установления доверительного управления наследственным имуществом	27
Захарова Н. М. Механизмы противопожарного страхования в Российской Федерации	31
Карпов К. В. Установка и использование видеонаблюдения в многоквартирном доме	33
Карпов К. В., Половников О. Г. О возможности установления фактических брачных отношений в условиях проведения Специальной военной операции	35
Квасников Е. С. Пределы допустимости согласия на физический контакт в рамках договора возмездного оказания услуг в квест-индустрии	37

Конюх Е. А. Постановка на учет для получения единой социальной выплаты сотрудниками органов внутренних дел: действующий порядок и изменения в законодательстве	40
Конюх Е. А., Клишкин И. А. Некоторые особенности трудовых договоров (контрактов) в хоккее	45
Кузнецова И. А. Ограничение дееспособности лиц, страдающих зависимостью.	49
Малявина А. Б. Проблемные вопросы защиты авторских прав	52
Москаленко Г. Е. Злоупотребление правом как феномен нарушения принципа баланса интересов	56
Мялицына М. А. Последствия принуждения к даче показаний	59
Пономарева Ю. В. Правовое регулирование гарантийного удержания в законодательстве стран СНГ	61
Приданникова О. А. Проблемы реформирования семейного законодательства в современном обществе	64
Светличный А. Д. Проверка наличия лицензии у участника госзакупки	66
Сведения об авторах.	69

Электронное научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Редактор Н. В. Матвеева

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор М. Ю. Чалкова

Подписано к использованию 29.09.2025.

Объем данных ???2,6 Мб. 1 электронный оптический диск (CD-ROM).

Тираж 10 экз. Заказ № 27 эл.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7